

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС. *Демкин И.Л.*3

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О соотношении основных начал и принципах гражданского права. *Матвеева Е.Ю.*9

О перечне принципов гражданского права. *Матвеева Е.Ю.*14

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зарубежный опыт оценки судами необходимости установления обеспечительных мер в коммерческих спорах и процессуальные механизмы их применения. *Абдуллина (Никулина) В.А.*21

Проблемы снижения нагрузки на аппарат судов общей юрисдикции в Российской Федерации. *Кузин С.А.*25

Упрощенное производство в арбитражном процессе. *Пермяков М.В., Банных С.Г., Ходасевич О.Н.*31

Особенности охраны общественного порядка на территории проведения специальной военной операции. *Ильин Ю.И.*35

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 05.09.2022 Цена свободная Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

The Libyan problem in the foreign policy of the EU countries. *Demkin I.L.* 3

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

On the correlation of basic principles and principles of civil law. *Matveeva E.Yu.* 9

On the list of principles of civil law. *Matveeva E.Yu.* 15

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Foreign experience in assessing by courts the need to establish interim measures in commercial disputes and procedural mechanisms for their application.

Abdullina (Nikulina) V.A. 21

Problems of reducing the load on the apparatus of courts of general jurisdiction in the Russian Federation. *Kuzin S.A.* 25

Simplified proceedings in the arbitration process.

Permyakov M.V., Bannykh S.G., Khodasevich O.N. 31

Features of the protection of public order in the territory of a special military operation.

Ilyin Yu.I. 35

Ливийская проблема во внешнеполитической деятельности стран ЕС

Демкин Илья Леонидович,

аспирант, факультет международных отношений, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, st086950@student.spbu.ru

Статья посвящена тому сегменту внешней политики стран Европы, который связан с решением так называемой «ливийской проблемы» – обширным политическим, экономическим, гуманитарным, миграционным кризисом, развернувшимся после убийства М. Каддафи в 2011 г. В качестве отличительной черты ливийского кризиса автор выделил участие в противостоянии внешних игроков политической арены, среди которых важную роль играл и продолжает играть Евросоюз. Рассмотрен этап после интервенции европейских стран в составе НАТО в Ливию; отмечено, что проведенные военные действия не привели к стабилизации обстановки в стране. Рассмотрен гуманитарный вектор внешнеполитических мер Евросоюза в Ливии; выявлена специфика противостояния нелегальной миграции, исламизации, обороту вооружения, терроризму. Кроме того, рассмотрена роль некоторых стран Европы в решении ливийской проблемы – Великобритании, Франции, Италии, Германии. Автор статьи приходит к выводу о том, что европейский эксперимент по модернизации арабского государства посредством силовых методов оказался во многом несостоятельным. Сегодня Ливия продолжает испытывать последствия кризисных событий, а мировое сообщество до сих пор находится в поиске эффективных мер по преодолению человеческих потерь, усилению раздробленности, нищеты и исламизации.

Ключевые слова: Европейский Союз, Ливия, ООН, внешняя политика, интервенция, гуманитарная помощь, нелегальная миграция, исламизм

В эпоху постколониализма регион Северной Африки занимает одно из приоритетных мест во внешней политике Европейского союза. Географическая близость, обуславливающая прямое влияние африканских политических и социально-экономических процессов на страны Европы, диктует необходимость выстраивать конструктивные отношения с южными соседями. ЕС зависим от поставок природных ресурсов, прежде всего – углеводородов. Кроме того, в сферу интереса стран Европы входит контроль над миграционными потоками беженцев, стремящихся покинуть гораздо менее благополучный регион, что напрямую связано с вопросами обеспечения европейской безопасности.

По сообщениям множества арабских и иных СМИ, до 2011 г. Ливийская Джамахирия была относительно благополучным государством, где жители получали долю от нефтяных доходов, были обеспечены бесплатным образованием, жильем и медицинским обслуживанием, получали субсидии на товары первой необходимости. Отчасти с этим можно согласиться, хотя сама концепция Джамахирии как государственного устройства, основанного на разделении страны по племенному признаку, часто именуется эксцентричной, а методы правления М. Каддафи – диктаторскими и недемократичными. Вопрос об эффективности функционирования Джамахирии по-прежнему остается одним из наиболее дискуссионных в медийной и внешнеполитической сфере. Тем не менее, очевидно, что положение Ливии и ее граждан драматически ухудшилось после 2011 г. – года убийства М. Каддафи и начала масштабного внутреннего кризиса, продолжающегося по сей день.

Отличительной чертой ливийского кризиса является то, что помимо внутренних сил, осуществляющих борьбу за власть, сырьевые и финансовые ресурсы, в нем задействованы и внешние игроки политической арены, среди которых важную роль играл и продолжает играть Евросоюз.

В качестве предпосылок и причин возникновения «ливийской проблемы» можно назвать

нарастающее недовольство населения Ливии официальным политическим вектором, выданным М. Каддафи. Противоречия были усилены так называемым регионально-племенным фактором, ошибками в экономической политике М. Каддафи и, безусловно, вмешательством внешних политических акторов. При этом в начале 2000-х гг. протестные настроения не были так активны – в основном, по причине «нефтяного бума», благоприятно повлиявшего на доходы населения. Тем не менее, нельзя сказать, что на данном этапе протестная база была полностью размыта: в стране все еще присутствовала ощутимая доля населения, недовольного текущим положением страны и ее граждан. Последующие дипломатические конфликты М. Каддафи со странами Старого Света, применение нефтяных «рычагов» против многих стран Европы и нарастание недовольства граждан страны – все эти факторы подготовили благодатную почву для свержения 42-летнего режима ливийского лидера повстанцами, получившими поддержку извне [2, с. 98].

Совокупность всех этих обстоятельств, таким образом, послужила основанием для международного сообщества принять решение об интервенции в Ливию. Нормативным базисом данного решения стала Резолюция 1970 от 26 февраля 2011 г., принятая Советом Безопасности ООН, осуждавшая применение силовых методов против гражданских лиц и систематические нарушения прав человека [11]. Призывы ООН не привели к завершению гражданского противостояния [9, с. 19], а эскалация внутренних протестов и жесткие попытки подавить народное восстание обусловили публикацию последующей Резолюции (Резолюция от 17 марта 2011 г.), уполномочившую членов ООН на принятие мер для защиты гражданского населения Ливии [12]. В результате военная операция, проведенная с марта по октябрь 2011 г. под руководством НАТО, привела к свержению режима М. Каддафи и последующей смене власти.

Весьма неоднозначными нам представляются официальные оправдания военного вмешательства во внутренние дела третьего государства, которые выражены европейскими странами в двух вышеупомянутых Резолюциях. Как указано выше, одной из причин интервенции послужили факты нарушения прав человека, но, тем не менее, в мире было и есть множество стран, где состояние прав человека гораздо хуже, чем в Ливии, но положение этих стран Евросоюзом игнорируется. Кроме того, за несколько месяцев до свержения режима М.

Каддафи официальные международные организации, отслеживающие статус прав человека, признали, что, за исключением точечных нарушений, ситуация с правами человека в Ливии характеризовалась как удовлетворительная [3, с. 99]. Безусловно, в интересах Евросоюза было не только установление демократии в Ливии, но и следование собственной стратегии доминирования в средиземноморском регионе [10, с. 23].

Окончание военных действий НАТО не привело к стабилизации обстановки в стране; напротив, политическая борьба продолжала развиваться. Этот факт порождает множество споров о том, рациональным ли было решение о военной интервенции в принципе. Более того, страна оказалась в ситуации глубочайшего гуманитарного кризиса (отметим при этом, что ведущую роль в оказании гуманитарной помощи ливийцам непосредственно после переворота выполнял Евросоюз [7, с. 350]).

Ливийский кризис 2011 г. актуализировал вопрос о том, каковы будут действия Европы в отношении стран Магриба в целом и в Ливии – в частности. Европейские лидеры должны были определиться с тем, будут ли они продолжать использовать инструментарий «мягкой силы», либо прибегнут к силовым методам воздействия во внешней политике. Лидерский потенциал по данному вопросу принадлежал двум членам ЕС – Великобритании и Франции. Немецкое правительство, в свою очередь, не поддержало военное вторжение в Ливию. В отличие от предыдущих интервенций, имевших место в начале XXI в., силовое вмешательство в Ливию было реализовано не США, а Францией и Великобританией (тем не менее, нельзя отрицать и некоторую роль Штатов в данном конфликте – В. С. Мирхеханов с соавт. называют «удаленную» схему участия США в ливийском вопросе политическим аутсорсингом [8, с. 34]).

После убийства М. Каддафи власть в стране временно перешла к Переходному национальному совету, который выразил благодарность европейским, американским и персидским союзникам за поддержку народного восстания. В течение следующих шести месяцев Совет не смог взять под контроль территорию страны, что привело к захвату столицы и штаб-квартиры Совета протестующими. К середине 2012 г. был сформирован однопалатный парламент и назначен премьер-министр. Подобные попытки демократизации государственного устройства были высоко оценены Европейским союзом, но на практике полити-

ческая обстановка оставалась крайне неустойчивой – как по причине разногласий между племенами, так и по причине борьбы элит за финансово-экономические ресурсы. Таким образом, в первые два года после свержения Джамахирии новые власти предпринимали активные попытки стабилизировать обстановку в стране. Тем не менее, даже несмотря на «нефтяной дивиденд», данные попытки нельзя назвать полностью успешными. Очевидно, что новое ливийское руководство находится в самом начале пути по восстановлению уровня жизни населения до дореволюционного [6, с. 124].

В последующие годы (2013-2015 гг.) количество миссий Европейского Союза в Ливии было минимизировано; можно отметить, к примеру, точечные случаи взаимодействия Европы и ливийских властей в области формирования консультационной комиссии по оборонному институциональному строительству в конце 2013 г. Проявления европейского присутствия в стране наблюдались в рамках борьбы против организации «Исламское государство» (2015-2016 гг.).

Как отмечено выше, ведущими европейскими силами, задействованными в интервенции, стали Франция и Великобритания, которые и стали исполнителями военных действий на территории страны и впоследствии – донорами гуманитарной и иной помощи. Э. Макрон, придя к власти, в очередной раз утвердил внешнеполитический вектор Франции и подтвердил дальнейшее участие в вопросах урегулирования конфликтов в Ливии [5, с. 4]. С 2013 г. в данный процесс была подключена Италия, что обусловлено ее территориальной близостью к Ливии (Италия стала наиболее близкой мишенью для миграционных потоков). Тем не менее, список стран, принимавших участие в разрешении ливийского вопроса, не исчерпывается тремя вышеперечисленными государствами.

Особую роль в исследуемом нами направлении внешней политики играла Германия. Изначально, на первом этапе нарастания политического кризиса в Ливии, Германия выразила отказ в участии в силовой интервенции. К 2012 г. немецкие лидеры пришли к осознанию невозможности игнорирования ливийского вопроса в собственной внешнеполитической повестке. Можно сказать, что в период с 2012 по 2019 гг. Германия находилась в поиске оптимальных форм участия в ливийском вопросе. Активное включение Германии в разрешение проблемы, по нашему мнению, произошло

лишь в 2020 г. в ходе Берлинской конференции. В целом политику Германии в ливийском направлении можно охарактеризовать как весьма сдержанную (отчасти это можно объяснить отсутствием существенных политико-экономических интересов страны на территории ливийского государства). Тем не менее, нельзя не отметить усилия Германии в области организации миграционных потоков в Европе.

Отметим иные векторы внешнеполитического воздействия ЕС на Ливию. Для стабилизации социальной обстановки в стране Европейский Союз применил два внешнеполитических инструмента: гражданская защита и гуманитарная помощь. В 2011 г., к примеру, Европейская комиссия выделила около 19 млн долларов гуманитарной помощи. На 11 января 2012 г. Ливия получила от Еврокомиссии и стран-членов ЕС гуманитарную помощь в объеме 158,7 млн евро. Данный показатель многократно превышает объемы средств, выделенных иными странами (в том числе США) в адрес ливийского населения. Эти факты позволяют утверждать, что ЕС в ливийском конфликте выполнял, помимо прочих, функцию донора. Гуманитарная политика Евросоюза формировалась на основе так называемого «принципа трех М» – «деньги, доступ к рынкам, мобильность». В последующий период Евросоюз направил существенные усилия и ресурсы на поддержку гуманитарных организаций Ливии; принимались также и меры по вывозу беженцев из страны, отбираемых из числа тех лиц, которые в наибольшей степени пострадали от военных действий.

Отметим в качестве примера масштабные операции, разворачиваемые в Средиземном море, задачами которых стало направление потоков беженцев во временные убежища (операции «Гермес», «Тритон», «Фемида», «София» и проч.). Данные операции преследовали двойственную цель: во-первых, оказать помощь беженцам и лицам, предпринявшим попытки нелегальной миграции, во-вторых, сократить поток нелегальных и незарегистрированных мигрантов, поступающий в страны Европы. Отметим также и тот факт, что в феврале 2014 г. в Ливии наметился очередной этап гражданской войны, который вызвал отток населения. В данной связи новым приоритетом европейской политики в отношении Ливии стало именно управление потоками нелегальных мигрантов.

В большей степени в успешном проведении данных гуманитарных миссий была заинтересована Италия, так как именно на ее террито-

рии поступали лица, бежавшие из Ливии и других стран Северной Африки. Операция «София», как наиболее крупная по масштабу задействованных ресурсов и наиболее продолжительная, продолжалась вплоть до марта 2020 г. и была завершена в связи с отказом многих итальянских портов принимать новые суда с беженцами. Спектр целей, которые преследовала миссия «София», довольно широк: ее участники принимали меры по противодействию нелегальной миграции, задерживая суда контрабандистов, проводили обыски и конфискации. В 2016 г. в цели операции было включено проведение тренингов для береговой охраны Ливии и противодействие нелегальной торговле оружием. Предпосылкой для прекращения миссии стало требование вице-премьера Италии М. Сальвини о пропорциональной системе распределения мигрантов между членами ЕС. Сегодня ведутся активные дискуссии о реальной эффективности этой и других подобных миссий. Скептики говорят о сомнительности выводов о пользе морских операций, так как поставки оружия в Ливию осуществляются, как правило, по воздуху. С другой стороны, в статистической отчетности Евросоюза содержатся данные о 539 тыс. спасенных с 2016 г. по 2019 г. [7, с. 355].

Евросоюз, помимо прочих действий в отношении Ливии, принимает ряд мер, направленных на борьбу с радикализацией исламизма в регионе. К 2017 г. лидеры европейских стран пришли к осознанию того, что Ливия, ранее считавшаяся «экспортером» террористов, постепенно стала их «импортером». Вопросы аккумуляции контингента потенциальных террористов на территории Ливии оказались тесно связанными с вопросами нелегальной миграции. Усиление концентрации боевиков на территории страны является, по очевидным причинам, фактором, вызывающим беспокойство Европы. Нельзя сказать, что в данном аспекте политика, проводимая Европой, является последовательной и согласованной (российский исследователь М. Ф. Видясова справедливо именуется принятыми Европой меры по данному вопросу «зигзагами политики» [1, с. 202]).

Отметим, среди прочих, саммит, состоявшийся 28 августа 2017 г., в котором принимали участие представители Франции, Германии, Испании, Италии, Чада, Нигера и Ливии. Результатом саммита стала декларация, постулирующая необходимость возврата нелегальных мигрантов на родину за счет финансовых фондов ЕС. Кроме того, участники саммита указывали на продолжающийся внутренний

кризис в Ливии, который и выступает причиной оттока жителей страны [1, с. 202].

«Запущенность» ливийской проблемы отмечалась и в ходе вышеотмеченной Берлинской конференции (19 января 2020 г.). Несмотря на снижение интенсивности глобальной внешнеполитической динамики по причине пандемии, ливийский вопрос был одним из многих, которому было уделено внимание европейских лидеров. Важным результатом Берлинской конференции стал запуск миссии IRINI, направленной на разоружение нерегулярных военизированных формирований в Ливии. По нашему мнению, данная миссия имела двойственный результат: с одной стороны, положительным и эффективным шагом стало введение эмбарго на поставки вооружения в Ливию, а с другой – участники конференции не разработали действенных процедур по изъятию оружия у местного населения. Стабилизация социально-политической обстановки при нынешнем уровне вооружения априори невозможна; на 2020 г., к примеру, на 6,9 млн человек, проживающих в Ливии, приходится около 20 млн единиц легкого оружия [8, с. 35].

Скепсис в отношении европейского влияния на ливийский кризис вполне оправдан: Европейский союз, по сути, повторил ошибку США в Ираке и сконцентрировал усилия на военной фазе интервенции, не имея при этом продуманного плана на послевоенный период. Возможно, европейские страны рассчитывали на то, что либерализация и демократические институты власти смогут автоматически «починить» страну, находившуюся в кризисной фазе. Тем не менее, подобный подход эффективен исключительно в отношении развитого гражданского общества, тогда как в Ливии властные структуры, в сравнении с Европой, весьма архаичны. Ливия, с ее нефтяными ресурсами, религиозным мировоззрением граждан, племенной раздробленностью, низким уровнем жизни населения остается тлеющим очагом политической нестабильности. Кроме того, вмешательство европейских стран породило ряд гуманитарных проблем, которые сегодня оказывают непосредственное деструктивное влияние и на саму Европу. Речь идет, безусловно, о радикальной исламизации, миграции, контрабанде наркотиков и вооружения.

С. Демиденко в данной связи высказывает мнение о том, что управление гетерогенной по этническому составу страной, совокупностью «воинственных и своевольных племен» могло осуществляться только тем, кто действительно понимает механизмы организации местного сообщества; именно этим и можно

объяснить то, что имплантированные Европой «новые рецепты формирования государственности оказались в Ливии нежизнеспособны» [2, с. 103]. Можно, с известными оговорками, согласиться с данными тезисами, ведь текущая обстановка, в которой оказались граждане страны, представляется гораздо более сложной в сравнении с эпохой Джамахирии.

Ливия, которая «фактически пребывает в состоянии отсутствия государственности» [4, с. 125], на современном этапе находится на дальней периферии глобального информационного пространства. Игнорирование медийными источниками и политиками ливийской тематики можно объяснить осознанием несостоятельности европейского эксперимента по модернизации арабского государства посредством силовых методов. Стремление дать ливийскому народу демократические властные институты, гражданские свободы и процветание обернулось колоссальными человеческими потерями, усилением раздробленности, нищетой и исламизацией. Тем не менее, нельзя не признать то, что Европейский союз впоследствии оказал ощутимую экономическую поддержку Ливии и другим арабским странам, что способствовало снижению социально-экономической напряженности и политической нестабильности в регионе.

Поиск путей урегулирования ливийского кризиса продолжается. США в ливийском вопросе занимают, скорее, выжидательную позицию, ЕС же столкнулся со внутренними конфликтами при выработке стратегии взаимодействия с Ливией (в 2016-2017 гг., к примеру, Франция и Италия оказывали поддержку оппонирующим сторонам политического противостояния – генералу Хафтару и ПНС). Следовательно, на первый план постепенно выходят усилия иных игроков – в первую очередь, арабских стран, России и Турции.

Литература

1. Видясова, М. Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и «120 воюющих сторон»? / М. Ф. Видясова // Актуальные проблемы Европы. – 2018. – №4. – С. 184-209.
2. Демиденко, С. Ливия: хаос продолжается / С. Демиденко // Россия и мусульманский мир. – 2015. – №11(281). – С. 96-104.
3. Емузова, Э. А. Интервенция в Ливию как акция поддержания нового мирового порядка / Э. А. Емузова // IN SITU. – 2016. – №4. – С. 99-101.
4. Кравченко, И. В. ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном

этапе / И. В. Кравченко // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 20200. – Т. 10. – №5. – С. 124-128.

5. Комаха, А. А. Взаимоотношения Франции с государствами ближнего востока в период президентства Эммануэля Макрона в контексте урегулирования региональных кризисов / А. А. Комаха, М. А. Ивашкин, М. В. Котов // Конфликтология / nota bene. – 2022. – №1. – С. 1-10.

6. Крупин, С. В. Ливия после Каддафи / С. В. Крупин // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2014. – №3-4. – С. 121-126.

7. Лекаренко, О. Г. Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.) / О. Г. Лекаренко, К. В. Гостев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 350–359.

8. Мирзеханов, В. С. «Ливийский вопрос»: перспективы урегулирования в контексте обеспечения европейской и международной безопасности / В. С. Мирзеханов, В. А. Кузнецов, А. С. Сидоров, Ф. О. Трунов, П. В. Шлыков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2021. – №4. – С. 31-43.

9. Новодран, Е. М. Вмешательство стран Запада в гражданское противостояние в Ливии в 2011 г. И позиция российской дипломатии / Е. М. Новодран // Genesis: исторические исследования. – 2022. – №6. – С. 16-33.

10. Строева, К. А. Влияние динамики стратегических параметров Средиземноморья на изменение политики Евросоюза / К. А. Строева // Инновации и инвестиции. – 2022. – №5. – С. 22-25.

11. Resolution S/RES/1970 (2011) // United Nations Security Council. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/1970-%282011%29/>. – Date of access: 01.09.2022.

12. Resolution S/RES/1973 (2011) // United Nations Security Council. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/1973-%282011%29/>. – Date of access: 01.09.2022.

The libyan problem in the foreign policy of the eu countries

Demkin I.L.

Postgraduate Student, Faculty of International Relations, Department of American Studies, St. Petersburg State University,

The article analyses that segment of the foreign policy of the European countries, which is aimed

at the solution of the so-called “Libyan problem” – a vast political, economic, humanitarian, migration crisis following the death of M. Gaddafi in 2011. The author defines that a distinctive feature of the Libyan crisis is the participation in confrontation between external players in the political arena, among which the European Union has played and continues to play an important role. The stage after the intervention of European countries within NATO in Libya was considered; it was noted that the military operations carried out have not led to stabilization of the situation in the country. The humanitarian vector of the foreign policy measures of the European Union in Libya was considered; the specifics of countering illegal migration, Islamization, arms trafficking, terrorism are revealed. In addition, the role of some European countries in solving the Libyan problem – Great Britain, France, Italy, Germany – is described. The author of the article comes to the conclusion that the European experiment on the modernization of the Arab state through forceful methods turned out to be untenable. Today, Libya continues to experience the consequences of crisis events, and the world community is still in search of effective measures to overcome human losses, increased fragmentation, poverty and Islamization.

Keywords: European Union, Libya, UN, foreign policy, intervention, humanitarian aid, illegal migration, islamism

References

1. Vidyasova, M. F. Europe and the civil war in Libya: where is the country of 140 tribes and “120 belligerents” heading? / M. F. Vidyasova // Actual problems of Europe. - 2018. - No. 4. – S. 184-209.
2. Demidenko, S. Libya: chaos continues / S. Demidenko // Russia and the Muslim world. - 2015. - No. 11 (281). – S. 96-104.
3. Emuzova, E. A. Intervention in Libya as an action to maintain a new world order / E. A. Emuzova // IN SITU. - 2016. - No. 4. - S. 99-101.
4. Kravchenko, I. V. UN and regional players in the Libyan crisis at the present stage / I. V. Kravchenko // Humanities. Bulletin of the Financial University. - 2020. - T. 10. - No. 5. - S. 124-128.
5. Komakha, A. A. Relations between France and the states of the Middle East during the presidency of Emmanuel Macron in the context of resolving regional crises / A. A. Komakha, M. A. Ivashkin, M. V. Kotov // Conflictology / nota bene. - 2022. - No. 1. - S. 1-10.
6. Krupin, S. V. Libya after Gaddafi / S. V. Krupin // Moscow University Bulletin. Series 27. Global studies and geopolitics. - 2014. - No. 3-4. - S. 121-126.
7. Lekarenko, O. G. Participation of NATO and the EU in the settlement of the Libyan crisis (2011–2020) / O. G. Lekarenko, K. V. Gostev // Bulletin of the Kemerovo State University. - 2021. - T. 23. - No. 2. - P. 350–359.
8. Mirzekhanov, V.S. “The Libyan issue”: prospects for settlement in the context of ensuring European and international security / V.S. Mirzekhanov, V.A. Kuznetsov, A.S. Sidorov, F.O. Trunov, P.V. Shlykov // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental and African studies: Abstract journal. - 2021. - No. 4. - S. 31-43.
9. Novodran, E. M. Western intervention in the civil confrontation in Libya in 2011. And the position of Russian diplomacy / E. M. Novodran // Genesis: historical research. - 2022. - No. 6. - S. 16-33.
10. Stroeveva, K. A. The influence of the dynamics of the strategic parameters of the Mediterranean on the change in the policy of the European Union / K. A. Stroeveva // Innovations and investments. - 2022. - No. 5. - S. 22-25.
11. Resolution S/RES/1970 (2011) // United Nations Security Council. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/1970-%282011%29/>. – Date of access: 09/01/2022.
12. Resolution S/RES/1973 (2011) // United Nations Security Council. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/s/res/1973-%282011%29/>. – Date of access: 09/01/2022.

О соотношении основных начал и принципах гражданского права

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н., доцент, доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, eumatveeva@fa.ru

Статья посвящена дискуссионным вопросам соотношения и разграничения понятий «принципы гражданского права» и «основные начала гражданского законодательства». Актуальность исследования определяется понятийно-терминологической неопределенностью, поскольку Гражданский кодекс оперирует как термином «принципы», так и термином «основные начала». В исследовании представлены различные позиции, сформированные отечественной доктриной по указанной проблематике. Рассматриваются и анализируются различные подходы: абсолютной идентичности, принципиального разграничения и соотношения принципов и начал гражданского законодательства как формы и содержания. Автор статьи приходит к выводу, что основные начала гражданского права и принципы гражданского законодательства являются однопорядковыми явлениями.

Ключевые слова: гражданское право, основные начала гражданского законодательства, принципы гражданского права.

Принципом права является основополагающая идея, прямо закрепленная правовой нормой или непосредственно вытекающая из смысла нормативных предписаний. Основные начала гражданского законодательства стали новеллой кодификации 1994 г. - именно такую оценку получила ст.1 ГК РФ в науке гражданского права [3, с.17, с.128].

Как указывает профессор М.Н.Семякин, «исследование «основных начал» гражданского законодательства, их соотношения с такой фундаментальной категорией, как «принципы» гражданского права» является вопросом, который еще должен «занять свое достойное место в предмете российской цивилистической науки» [8, с.131]. В свете сказанного, следует определиться в необходимости разграничения понятий «основные начала гражданского законодательства» и «принципы гражданского права». Вопрос соотносимости данных понятий поднимается многими учеными и на повестку дня указанный вопрос встал после введения в действие ГК РФ 1994г., в котором первой статьей законодатель поставил «Основные начала гражданского законодательства».

Поскольку при этом ГК РФ оперирует и термином «принцип», ученые обратились к проблеме возможности и целесообразности разграничения понятий «принцип гражданского права» и «основные начала гражданского законодательства». М.Н. Семякин отмечает, что введение в ГК РФ конструкции «основные начала» «безусловно, осложнило сформировавшийся понятийно-терминологический аппарат». Профессор Семякин указывает на то, что «в статье 1 ГК РФ речь идет об «основных началах» гражданского законодательства, а ранее в законодательстве и, соответственно, в доктрине использовался термин «принципы» гражданского права, что, безусловно, не одно и то же» [8, с.130], поскольку гражданское законодательство и гражданское право коррелируют между собой как форма и содержание. Соответственно этому, по мнению М.Н.Семякина, ««основные начала» гражданского законодательства относятся, характеризуют

именно форму гражданского права (систему гражданского законодательства); принципы же гражданского права относятся к содержанию названного права (системе правовых норм) и, следовательно, выражают особенности данного содержания» [8, с.131]. С данным доводом сложно согласиться, поскольку иными словами он означает, что либо положения ст.1 ГК РФ не являются принципами гражданского права, либо в указанной статье содержится особый пул принципов, которые в отличие от иных принципов не имеют отношение к содержанию гражданского права, а лишь отражают его форму. В качестве иного довода, отвергающего отождествление «основных начал» гражданского законодательства пусть даже с частью принципов гражданского права» М.Н.Семякин приводит невозможность выделить из общего массива принципов гражданского права «заглавные» ввиду из диспозиции в ст.1 ГК РФ и иные «второсортные» принципы, не нашедшие своего размещения в указанной статье. И с этим доводом так же согласиться нельзя, поскольку нормативное закрепление принципов права - это вопрос законодательных процедур, зачастую имеющих определенный временной горизонт. Кроме того, позиция М.Н.Семякина неизбежно приводит нас к парадоксальному выводу, что общепризнанные принципы свободы договора, равенства участников гражданско-правовых отношений и др. вдруг после принятия ГК РФ 1994г. потеряли свой статус принципов и стали абсолютно новой конструкцией «основные начала», причем за двадцать с лишним лет с момента введения в действие 1 части ГК РФ это прошло незамеченным как для цивилистики так и для правоприменителя. Таким образом позицию, что положения ст.1 ГК РФ не содержат принципов гражданского права следует признать как несостоятельную.

Противоположным является подход абсолютной идентичности категорий «гражданско-правовой принцип» и «основное начало гражданского законодательства». Так, А.С.Гайдук полагает, что эти категории равнозначны и делает вывод «о неправомерности разделения понятия принципы гражданского права и основные начала гражданского законодательства только на том основании, что в ст. 1 ПС РФ принципы названы основными началами» [1, с.136]. Выход из терминологического тупика А.С.Гайдук видит в законодательном закреплении тождественности указанных понятий посредством изменения названия статьи 1 ГК РФ на «Основные начала (принципы) граждан-

ского законодательства» [1, с.161]. Аналогичное предложение содержится и в диссертационном исследовании Д.Л.Кондратюк, которая в целях избежания сложности оперирования термином «принцип» полагает «необходимым наименованием ст. 1 ГК РФ, заменить на устоявшееся: «Принципы гражданского права»» [2, с.140].

А.А.Федосеев выдвигает тезис о том, что основные начала гражданского законодательства служат «лишь способом закрепления (отражением, проявлением) принципа права в законодательном массиве» и полагает, что «отнесение основных начал гражданского законодательства к числу способов закрепления принципов права исключает необходимость обособления данной категории от категории принципов» [9, с.59].

Позицию тождественности понятий «основные начала» и «принципы» гражданского права заявили в своих трудах многие ученые: А.А.Макрецова, Ю.Х.Калмыков, А.В.Татарников, Ю.Р.Барышникова, Н.В.Беребенья и др.

Одновременно с этим ряд авторов все же разграничивают по различным основаниям принципы и основные начала гражданского права, полагая, что ставить полный знак равенства между основными началами и принципами гражданского права по меньшей мере означает не учитывать волю законодателя, который все же обособил ряд норм в статье 1 ГК РФ. Так, О.А.Кузнецова делает вывод о том, что «основные начала гражданского законодательства - это нормы-принципы, а принципы гражданского права - это совокупность и норм-принципов, и принципов-идей» [4, с.9]. Панченко П.В. полагает, что «принципы гражданского права и основные начала гражданского законодательства следует рассматривать как общее и часть» [5, с.88]. Л.В.Пашацкая обосновывает специфику основных начал тем, что «принципы гражданского права, изложенные в ст. 1 ГК РФ, отражают те конституционные нормы, которые наиболее близки современному гражданскому праву (ст. 8, 17, 19, 23–25, п. 5 ст. 32, ст. 33–35, 45–47, 55, 56, 60, 74, 118 Конституции РФ)» [6, с.55].

Наиболее значимым научным трудом последнего десятилетия, посвященным вопросам соотношения основных начал и принципов гражданского права является монография профессора А.Я.Рыженкова. Из самого названия данного научного труда – «Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права» [7, с.20] следует, что автор, взяв термин «прин-

ципы» в скобки, отождествляет данные категории. И безусловно заслуживающим внимания является сам подход положенный А.Я.Рыженковым в основу данного отождествления. Автор строит логичную систему доказательств, исходя из того, что если предположить, что основные начала и принципы гражданского права не двойники, следовательно какая-то из этих категорий неизбежно должна быть шире, а какая-то уже. Анализируя вариант «принципы гражданского законодательства шире основных начал», А.Я.Рыженков приходит к выводу, что «хотя теоретически нельзя исключать наличия принципов гражданского права, которые не закреплены в ГК РФ в качестве основных начал законодательства, а имеют иную нормативную форму, пока существование таких «непоименованных» принципов не подтверждается», поскольку такие «непоименованные» принципы либо «дублируют по содержанию какие-либо из существующих основных начал гражданского законодательства», либо имеют статус подотраслевых принципов, «либо, наконец, вообще не являются правовыми принципами» [7, с.20]. Рассматривая обратный вариант - «набор принципов гражданского законодательства уже основных начал и не все положения ст. ГК РФ являются принципами гражданского права», А.Я.Рыженков приводит следующие рассуждения. Если исходить из того, что границы действия принципов гражданского права должны не выходить за периметр отраслевого регулирования, то следует сделать вывод, что далеко не все основные начала гражданского законодательства, указанные в ст.1 ГК РФ «относятся к отраслевым принципам в собственном смысле» [7, с.21], поскольку в положениях ст.1 ГК РФ мы находим и общеправовые принципы и межотраслевые принципы и собственно отраслевые принципы гражданского права. Профессор Рыженков делает вывод о том, что «в ст. 1 Гражданского кодекса РФ законодатель пытался не столько систематизировать отраслевые принципы гражданского права, сколько дать подборку всех наиболее важных для гражданско-правовой сферы общих правил самого различного характера» [7, с.22]. Тем не менее А.Я.Рыженков не делает на основании этого вывод о необходимости разграничения понятий основные начала и принципы гражданского права. Напротив, он указывает на то, что «анализ соотношений понятий «принципы права» и «основные начала законодательства» показывает, во-первых, что по содержанию между

этими понятиями нет какого-либо существенного различия; во-вторых, понятие «основные начала законодательства» используется в тех случаях, когда речь идет о совокупности всех основополагающих идей, действующих в данной отрасли права, независимо от того, являются они общеправовыми, межотраслевыми, отраслевыми или еще какими-либо принципами» [7, с.189].

Судебная практика также идет по пути отождествления основных начал гражданского законодательства и принципов права. Высшими Судебными инстанциями указывается на то, что ст.1 ГК РФ закрепляет принцип юридического равенства[10], принцип свободы договора[11], принцип неприкосновенности собственности[12], принцип осуществления гражданских прав в своей воле и в своем интересе[13], принцип добросовестности[14], принцип недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения[15], принцип беспрепятственного осуществления прав[16] и др.

Подводя итог всем спорным аспектам, следует сделать вывод о том, что принципы гражданского права и основные начала гражданского законодательства необходимо рассматривать как однопорядковые правовые явления.

Литература

1. Гайдук Андрей Сергеевич. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : Рязань, 2003 186 с. РГБ ОД, 61:03-12/1123-8
2. Кондратюк, Диана Лукинична. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России : На примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Москва, 2006. - 170 с.
3. Комиссарова, Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – 303 с.
4. Кузнецова, О. А. : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кузнецова Ольга Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – 430 с.

5. Панченко, Полина Валентиновна. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Панченко Полина Валентиновна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 188 с.

6. Пашацкая, Лариса Владимировна. Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли-продажи : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Пашацкая Лариса Владимировна; [Место защиты: Саратов. гос. юрид. акад.]. - Саратов, 2014. - 208 с.

7. А.Я.Рыженков. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 208 с. ISBN 978-5-4396-0896-6

8. Семякин, М. Н. Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? / М. Н. Семякин // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 4(4). – С. 129-132.

9. Федосеев, Александр Андреевич. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Федосеев Александр Андреевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»]. - Пермь, 2021. - 184 с.

10. Определение Верховного Суда РФ от 02.08.2021 N 309-ЭС20-24330 по делу N А07-22417/2019

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2015 N 307-ЭС15-6545 по делу N А13-1513/2014

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2022 N 306-ЭС21-24577 по делу N А55-18980/2020

13. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 N 7-О

14. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 N 1584-О

15. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 N 1588-О

16. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 N 415-О

On the correlation of the basic principles and principles of civil law

Matveeva E.Yu.,

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to debatable issues of correlation and differentiation between the concepts of "principles of civil law" and "basic principles of civil legislation". The relevance of the study is determined by the conceptual and terminological uncertainty, since the Civil Code operates with both the term "principles" and the term "basic principles". The study presents various positions formed by the domestic doctrine on this issue. Various approaches are considered and analyzed: absolute identity, fundamental differentiation and correlation of the principles and principles of civil legislation as form and content. The author of the article comes to the conclusion that the basic principles of civil law and the principles of civil law are of the same order phenomena.

Keywords: civil law, basic principles of civil law, principles of civil law.

References

1. Gaiduk Andrey Sergeevich. Civil law principle of the inviolability of property: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.03: Ryazan, 2003 186 p. RSL OD, 61:03-12/1123-8

2. Kondratyuk, Diana Lukinichna. Moral-legal principles in the civil law of Russia: On the example of justice, humanism, reasonableness and conscientiousness: dissertation... Candidate of Law Sciences: 12.00.03. - Moscow, 2006. - 170 p.

3. Komissarova, E. G. Principles in law and the basic principles of civil legislation: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Komissarova Elena Genrikhovna. - Yekaterinburg, 2002. - 303 p.

4. Kuznetsova, OA: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; international private law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Kuznetsova Olga Anatolyevna. - Yekaterinburg, 2007. - 430 p.

5. Panchenko, Polina Valentinovna. The principle of assistance to the parties to an obligation in Russian civil law: dissertation... PhD in Law: 12.00.03 / Polina Valentinovna Panchenko; [Place of protection: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2018. - 188 p.

6. Pashatskaya, Larisa Vladimirovna. Principles of conscientiousness and freedom of the contract in the contract of retail purchase and sale: dissertation... PhD in Law: 12.00.03 / Pashatskaya Larisa Vladimirovna; [Place of protection: Sarat. state legal academician]. - Saratov, 2014. - 208 p.

7. A.Ya. Ryzhenkov. Basic principles (principles) of Russian civil legislation and related

branches of law: monograph. — M.: Yurlitinform, 2015. — 208 p. ISBN 978-5-4396-0896-6

8. Semyakin, MN The main principles of civil legislation - a new legal construction or a synonym for a well-known civil category? / M. N. Semyakin // Altai Legal Bulletin. - 2013. - No. 4(4). - S. 129-132.

9. Fedoseev, Alexander Andreevich. The principle of cooperation of subjects of civil law: dissertation... PhD in Law: 12.00.03 / Fedoseev Aleksandr Andreevich; [Place of defense: Ulyanovsk State University]. - Perm, 2021. - 184 p.

10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of August 2, 2021 N 309-ES20-24330 in case N A07-22417/2019

11. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 25, 2015 N 307-ES15-6545 in case N A13-1513/2014

12. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 16, 2022 N 306-ES21-24577 in case N A55-18980/2020

13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 15, 2015 N 7-O

14. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2022 N 1584-O

15. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2022 N 1588-O

16. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 24, 2022 N 415-O

О перечне принципов гражданского права

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н., доцент, доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, eumatveeva@fa.ru

Статья посвящена вопросу перечня принципов гражданского права. За основу построения указанного перечня приняты положения статьи 1 ГК РФ «Основы гражданского законодательства», поскольку данный подход является традиционным для современной цивилистики и отвечает критерию общепризнанности правовой идеи, претендующей на статус «принцип гражданского права». Перечень принципов гражданского права, закрепленных в качестве основ гражданского законодательства, представлен в аналитике деления на регулятивные и охранительные принципы. В основе предложенного деления лежит общепризнанное выделение регулятивной и охранительной функций гражданского права. В статье также анализируется тенденция необоснованного размывания категории «принципы гражданского права» в результате отнесения к разряду «принципы права» тезисов, являющихся по сути частными проявлениями основных начал гражданского законодательства.

Ключевые слова: принцип гражданского права, основные начала гражданского законодательства, регулятивная и охранительная функции права.

Среди дискуссионных вопросов, касающихся осмысления отечественной доктриной категории правовых принципов, самым сложным, пожалуй, является вопрос о перечне принципов гражданского права. И ученые приходят к выводу, что определить закрытый перечень принципов права не возможно. Как указывает О.А.Кузнецова, «единый подход к перечню принципов гражданского права в цивилистической литературе отсутствует» [16, с.99]. Она же указывает, что «в большинстве случаев перечень принципов гражданского права строится на основе положений ст. 1 ГК РФ, что следует признать обоснованным» [16, с.104].

Рассмотрим перечни принципов гражданского права, которые выработаны отечественной наукой в последние десятилетия. Поскольку все ученые так или иначе берут за основу положения ст.1 ГК РФ, особое внимание следует уделить работам, написанным после 2012 г., т.е. в периоде, когда основные начала гражданского законодательства уже были дополнены законом №302-ФЗ [1].

Последним по времени системным доктринальным исследованием принципов гражданского права является докторская диссертация А.В.Коновалова. В составе положений, выносимых на защиту представлено и положение, посвященное систематизации принципов гражданского права с выделением следующих четырех категорий: «1) высшие принципы права; 2) общеправовые принципы; 3) общеотраслевые гражданско-правовые принципы; 4) функциональные принципы гражданского права» [18, с.19]. К сожалению, классификацией предложенной А.В.Коноваловым невозможно воспользоваться, поскольку она демонстрирует весьма не логичный подход. Так, к высшим универсальным принципам гражданского права А.В.Коноваловым отнесены 3 принципа: принцип добросовестности, принцип разумности и принцип справедливости. Одновременно с этим, в составе общеотраслевых принципов гражданского права обозначаются «принцип обязательности добросовестности и разумности действий субъектов гражданского оборота» и дополнительно «принцип презумпции добросовестности и разумности действий

субъектов гражданского оборота». А в составе выведенных А.В.Коноваловым уже функциональных принципов гражданского права присутствует «принцип недопустимости непоследовательности поведения, понижения стандартов добросовестности». Возникает вопрос – в чем смысл классификации, если принцип добросовестности присутствует в каждом разделе классификации в несколько измененном виде? Или, например, общепризнанный конституционный принцип неприкосновенности собственности (ч.3 ст.35 Конституции РФ) выступает в системе А.В.Коновалова в трех ипостасях – как один из общеправовых принципов, как общеправовой «принцип уникальности права собственности» и как функциональный принцип гражданского права «принцип эластичности права собственности». А конституционный принцип судебной защиты (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), упомянутый ст.1 ГК РФ в составе основных начал гражданского законодательства в системе А.В.Коновалова дважды интерпретируется в составе общеправовых принципов в формулировках как «принцип обеспечения субъектам права адекватной защиты их правовых позиций и интересов, допустимости самозащиты» и как «принцип упорядоченности разрешения конфликтов (судебной защиты)». По непонятным основаниям в состав общеправовых принципов гражданского права включен «принцип субсидиарной ответственности». Возникает вопрос - почему бы тогда А.В.Коновалову было не изобрести и «принцип солидарной ответственности»? Всего же в системе А.В.Коновалова, которую сам же А.В.Коновалов называет «умозрительной вертикалью» [18, с.433] , присутствует 121 принцип:

- 3 высших универсальных принципов гражданского права
- 16 общеправовых принципов
- 46 общеправовых принципов гражданского права
- 56 функциональных принципов гражданского права.

Как справедливо отметила профессор Л.Ю. Михеева - официальный оппонент докторской диссертации А.В.Коновалова : «Представляется, что диссертант все же не вполне убедительно обосновал понятие принципа гражданского права. Каждое из словосочетаний, представленных в диссертации как принцип гражданского права, есть чаще всего какая-то из характеристик экономического отношения, попадающего под действие гражданского законодательства, либо какая-то из черт правовой

формы, в которую такие отношения облакаются» [30].

Таким образом, диссертация А.В.Коновалова демонстрирует в своей крайней степени практику необоснованного наделения статусом принципа гражданского права тех или иных правовых идей. Такую ситуацию следует квалифицировать как научную проблему, поскольку искусственно выведенным принципам посвящаются диссертационные исследования целый ряд ученых. Так, О.В.Фомичева презентует принцип полного возмещения убытков[28], Д.Л.Кондратюк - принцип гуманизма в гражданском праве[19], С.А.Иванова – принцип справедливости гражданского права[14], Т.С.Грачев – принцип единства прав и обязанностей[11], А.С.Егорова – принцип стабильности договора[12], А.А.Волос – принцип защиты прав кредитора[10], В.В.Васильев – принцип стабильности осуществления субъективных гражданских прав[8], П.В.Панченко – принцип содействия сторон обязательства[20], А.А.Федосеев - принцип сотрудничества субъектов гражданского права[27] и др.

Таким образом, следует согласиться с выводом О.А.Кузнецовой, о том, что «вопрос о количестве принципов гражданского права всегда будет открытым, поскольку на отнесение того или иного положения к принципам гражданского права всегда будут влиять субъективные факторы: считает ли исследователь указанное положение главным, исходным, руководящим, основополагающим для отрасли гражданского права или нет» [16, с.107].

Исходя из вышеизложенного, представляется верным исследовать вопрос перечня принципов гражданского права, взяв за основу перечень принципов, определенных законодателем в качестве основных начал гражданского законодательства в рамках ст.1 ГК РФ. При этом, структурирование аналитических разрезов целесообразно произвести базирясь на классификационном делении принципов гражданского права на регулятивные и охранительные.

В основе такой классификации изначально лежит первоначально сформированный в доктрине подход о выделении регулятивной и охранительной функций гражданского права и последовавшая за ним классификация правовых норм на регулятивные и охранительные. В докторской диссертации В.В.Васильева указывается, на то, что такая дифференциация является традиционной и апробированной десятилетиями, а также на то, что «весомых доводов для отказа от такой дифференциации в

научных исследованиях не представлено» [8, с.196].

После принятия части первой ГК РФ 1994г. и начала осмысления доктриной основных начал гражданского законодательства, по сути представляющих собой первый нормативно закрепленный перечень принципов гражданского права, ученые стали оценивать и необходимость деления принципов права по функциональному признаку на охранительные и регулятивные. По мнению А.Л.Захарова классификация принципов права на охранительные и регулятивные, «отражает современный уровень развития правоведения, носит актуальный теоретический и практический характер» [13, с.136].

Е.Г.Комиссарова полагала, что четкое разграничение основных начал (принципов) гражданского законодательства на регулятивные и охранительные произвести не возможно, поскольку «в каждом из заявленных начал в полной мере способны проявиться как регулятивная, так и охранительная функции гражданского права» [17, с.140].

Профессор А.Я.Рыженков считает, что все «основные начала гражданского законодательства, сформулированные в ст. 1 ГК РФ, имеют охранительную (защитную) направленность. Их концептуальным основанием является представление о различных угрозах и опасностях, существующих в сфере гражданских правоотношений и требующих преодоления при помощи правовых средств» [24, с.14].

По нашему мнению за основу представляется верным принять подход, предложенный О.А.Кузнецовой, которая провела практически полную инвентаризацию основных начал, представленных в ст.1 ГК РФ, и в составе положений, вынесенных на защиту, отнесла к регулятивным принципам «равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, а к охранительным - недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обеспечение восстановления нарушенных прав, судебная защита гражданских прав, необходимость исполнения гражданско-правовых обязанностей» [16, с.11].

За рамками указанной классификации О.А.Кузнецова оставила четыре положения ст.1 ГК РФ, а именно: принцип добросовестности, принцип недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения, принцип приобретения и осуществления гражданами прав своей волей и в

своём интересе и принцип свободного перемещения на всей территории Российской Федерации товаров, услуг и финансовых средств. По этому поводу необходимо отметить следующее. Принципы добросовестности и недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения очевидно выпали из классификации профессора Кузнецовой в силу того, что данная классификация создавалась на базе ранее действующей редакции ГК РФ, т.е. до того как ст.1 ГК РФ была дополнена в конце 2012г. новыми положениями[1]. Принцип приобретения и осуществления гражданами прав своей волей и в своём интересе, закрепленный в п.2 ст.1 ГК РФ, многие исследователи характеризуют как проявление межотраслевого принципа диспозитивности [13,с.291; 17,с.167; 22,с.20-21; 20,с.97; 21,с.74; 3,с.39; 9,с.130; 23,с.56-57; 26,с.65; 29,с.163], или признают граничащим с принципом свободы договора[3,с.39; 4,с.87; 25с.671; 6,с.42], указанном в п.1.ст.1 ГК РФ, и отдают приоритет последнему. А принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, закрепленный п.5 ст.1 ГК РФ по нашему мнению, так же как и по мнению ряда ученых [2,с.66; 5,с.162; 15,с.54; 21,с.51; 7,с.40] является частным случаем принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав регламентированным ст.1.ГК РФ.

По мнению автора настоящей статьи, перечень принципов гражданского права, закрепленных статьей 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» с учетом их регулятивных и охранительных функций выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Основные начала гражданского законодательства (ст.1 ГК РФ)	
Принципы гражданского права с регулятивной функцией	Принципы гражданского права с охранительной функцией
Принцип равенства участников гражданско-правовых отношений	Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела
Принцип неприкосновенности собственности	Принцип недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения
Принцип свободы договора	Принцип обеспечения восстановления нарушенных прав
Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав	Принцип судебной защиты
Принцип приобретения и осуществления гражданами прав своей волей и в своем интересе	Принцип недопустимости извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения
Принцип добросовестности при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей	

Проведенное исследование показывает, что отечественная цивилистика демонстрирует крайне разнонаправленные подходы к вопросу формирования перечня принципов гражданского права. Наделение статусом «принцип права» любых правовых, пусть даже верных, тезисов приводит к обесцениванию категории принцип права, к размыванию ее значимости. Являясь определенным абсолютном, принцип права задает ориентиры целям правового регулирования, ставит заслон делинквентному, антиобщественному поведению участников гражданско-правовых отношений. Исходя из того, что принцип права должен отвечать критерию общепризнанности, предложенный автором перечень принципов гражданского права сформирован на базе основных начал гражданского законодательства.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) "О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"
2. Акимова, Юлия Михайловна. Принципы международного частного права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Акимова Юлия Михайловна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2015. - 210 с.
3. Байниязова, Зульфия Сулеймановна. Основные принципы российской правовой системы : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Саратов, 2004. с./с.39;
4. Барышникова, Юлия Равильевна. Принципы частного права: теоретико-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Казань, 2006. - 201 с
5. Бородянский В.И. Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России. Очерки теории: Науч. изд. / Под. ред Н.М. Коршунова. - М.: Юнити-Дана, 2006.
6. Бычков А.И. Свобода гражданско-правового договора // Юрист. 2014. N 7. С. 37 - 43.; Статья: О свободе заключения гражданско - правовых договоров в сфере предпринимательства (Тельгарин Р.) ("Российская юстиция", N 10, 1997)
7. Вавилин Е.В. Принципы гражданского права // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010
8. Васильев, Владимир Валерьевич. Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Васильев Владимир Валерьевич; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2015. - 477с
9. Ведяхина, Клара Владимировна. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Самара, 2001. - 255 с
10. Волос, Алексей Александрович. Принципы обязательственного права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Волос Алексей Александрович; [Место защиты: Саратов. гос. юрид. акад.]. - Саратов, 2015. - 223 с
11. Грачев, Тимофей Сергеевич. Единство прав и обязанностей как принцип права : общетеоретический аспект : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Грачев Тимофей Сергеевич; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. - Краснодар, 2010. - 199 с.
12. Егорова, Анна Сергеевна. Принцип стабильности договора по гражданскому законодательству Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Егорова Анна Сергеевна; [Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. - Москва, 2011. - 181 с.
13. Захаров, Алексей Леонидович. Межотраслевые принципы права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Самара, 2003. - 357 с
14. Иванова, Светлана Анатольевна. Принцип справедливости в гражданском праве России : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01, 12.00.03. - Москва, 2006. - 415 с.
15. Климова, Анна Николаевна. Принципы гражданского права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Москва, 2005. - 182 с
16. Кузнецова, О. А. : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кузнецова Ольга Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – 430 с
17. Комиссарова, Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – 303 с
18. Коновалов, Александр Владимирович. Принципы гражданского права : методологические и практические аспекты исследования : диссертация ... доктора юридических наук :

12.00.03 / Коновалов Александр Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2019. - 682 с

19. Кондратюк, Диана Лукинична. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России : На примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Москва, 2006. - 170 с.

20. Панченко, Полина Валентиновна. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Панченко Полина Валентиновна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 188 с.

21. Потапова, Ольга Александровна. Принципы гражданского права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Ульяновск, 2002. - 172 с

22. Прохорко Т.Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

23. Ревина, Светлана Николаевна. Принципы правового регулирования рыночных отношений в Российской Федерации : Вопросы общей теории права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Самара, 2001. - 231 с.

24. А.Я.Рыженков. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 208 с. ISBN 978-5-4396-0896-6

25. А.И. Савельев. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий. Свобода договора: сборник статей / А.А. Амангельды, В.А. Белов, А.А. Богустов и др.; отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. 671 с.;

26. Сидоркин, Александр Сергеевич. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Сидоркин Александр Сергеевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2010. - 206 с

27. Федосеев, Александр Андреевич. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Федосеев Александр Андреевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»]. - Пермь, 2021. - 184

28. Фомичева, Ольга Владимировна. Принцип полного возмещения убытков и его реали-

зация в российском гражданском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Самара, 2001. - 166 с.

29. Чернов К. А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.

30. Сайт ВАК Минобрнауки file:///C:/Users/user/Downloads/Отзыв%20официального%20оппонента%20Л.Ю.%20Михеевой.pdf

About the list of principles of civil law Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the issue of the list of principles of civil law. The provisions of Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation "Fundamentals of Civil Law" are taken as the basis for constructing this list, since this approach is traditional for modern civil law and meets the criterion of generally recognized legal idea claiming the status of "principle of civil law". The list of principles of civil law, enshrined as the foundations of civil law, is presented in the analytics of the division into regulatory and protective principles. The proposed division is based on the generally recognized separation of the regulatory and protective functions of civil law. The article also analyzes the trend of unreasonable blurring of the category "principles of civil law" as a result of referring to the category of "principles of law" theses, which are in fact particular manifestations of the basic principles of civil law.

Keywords: principle of civil law, basic principles of civil legislation, regulatory and protective functions of law.

References

1. Federal Law No. 302-FZ of December 30, 2012 (as amended on March 4, 2013) "On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"

2. Akimova, Yulia Mikhailovna. Principles of private international law: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Akimova Yuliya Mikhailovna; [Place of protection: Mosk. state legal acad. them. O.E. Kutafin]. - Moscow, 2015. - 210 p.

3. Bainiyazova, Zulfiya Suleymanovna. Basic principles of the Russian legal system: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.01. - Saratov, 2004. p./p.39;

4. Baryshnikova, Yulia Ravilievna. Principles of private law: theoretical and legal research: dissertation... PhD in Law: 12.00.01. - Kazan, 2006. - 201 p.

5. Borodyansky V.I. The mechanism of interaction between the principles and norms of civil law in modern Russia. Essays on theory: Nauch. ed. / Under. ed N.M. Korshunov. - M.: Unity-Dana, 2006.
6. Bychkov A.I. Freedom of a civil law contract // Lawyer. 2014. N 7. S. 37 - 43.; Article: On the freedom to conclude civil - legal contracts in the field of entrepreneurship (Telgarin R.) ("Russian Justice", N 10, 1997)
7. Vavilin E.V. Principles of civil law // Principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects / ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. Saratov, 2010
8. Vasiliev, Vladimir Valerievich. Determinism in the system of civil law of the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03 / Vasiliev Vladimir Valerievich; [Place of protection: Mosk. acad. economics and law]. - Moscow, 2015. - 477s
9. Vedyakhina, Clara Vladimirovna. Basic moral-ethical and socio-political principles of Russian law: dissertation... PhD in Law: 12.00.01. - Samara, 2001. - 255 p.
10. Volos, Alexey Alexandrovich. Principles of the law of obligations: dissertation... Candidate of legal sciences: 12.00.03 / Volos Aleksey Aleksandrovich; [Place of protection: Sarat. state legal academician]. - Saratov, 2015. - 223 p.
11. Grachev, Timofey Sergeevich. The unity of rights and obligations as a principle of law: general theoretical aspect: dissertation... PhD in Law: 12.00.01 / Grachev Timofey Sergeevich; [Place of protection: Kuban. state agrarian university]. - Krasnodar, 2010. - 199 p.
12. Egorova, Anna Sergeevna. The principle of the stability of the contract under the civil legislation of the Russian Federation: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Egorova Anna Sergeevna; [Place of protection: Ros. legal acad. Ministry of Justice of the Russian Federation]. - Moscow, 2011. - 181 p.
13. Zakharov, Alexey Leonidovich. Intersectoral principles of law: dissertation... PhD in Law: 12.00.01. - Samara, 2003. - 357 p.
14. Ivanova, Svetlana Anatolyevna. The principle of justice in the civil law of Russia: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01, 12.00.03. - Moscow, 2006. - 415 p.
15. Klimova, Anna Nikolaevna. Principles of civil law: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.03. - Moscow, 2005. - 182 p.
16. Kuznetsova, OA: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; international private law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Kuznetsova Olga Anatolyevna. - Yekaterinburg, 2007. - 430 p.
17. Komissarova, E. G. Principles in law and the basic principles of civil legislation: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Komissarova Elena Genrikhovna. - Yekaterinburg, 2002. - 303 p.
18. Konovalov, Alexander Vladimirovich. Principles of civil law: methodological and practical aspects of research: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03 / Konovalov Alexander Vladimirovich; [Place of protection: Mosk. state legal un-t im. O.E. Kutafin]. - Moscow, 2019. - 682 p.
19. Kondratyuk, Diana Lukinichna. Moral-legal principles in the civil law of Russia: On the example of justice, humanism, reasonableness and conscientiousness: dissertation... Candidate of Law Sciences: 12.00.03. - Moscow, 2006. - 170 p.
20. Panchenko, Polina Valentinovna. The principle of assistance to the parties to an obligation in Russian civil law: dissertation... PhD in Law: 12.00.03 / Polina Valentinovna Panchenko; [Place of protection: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2018. - 188 p.
21. Potapova, Olga Alexandrovna. Principles of civil law: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.03. - Ulyanovsk, 2002. - 172 p.
22. Prokhorko T.N. Dispositivity as a principle of Russian civil law: author. dis. ...cand. legal Sciences. Krasnodar, 2010.
23. Revina, Svetlana Nikolaevna. Principles of legal regulation of market relations in the Russian Federation: Questions of the general theory of law: dissertation... PhD in Law: 12.00.01. - Samara, 2001. - 231 p.
24. A.Ya. Ryzhenkov. Basic principles (principles) of Russian civil legislation and related branches of law: monograph. —M.: Yurлитinform, 2015. - 208 p. ISBN 978-5-4396-0896-6
25. A.I. Saveliev. Directions of the evolution of freedom of contract under the influence of modern information technologies. Freedom of contract: collection of articles / A.A. Amangeldy, V.A. Belov, A.A. Bogustov and others; resp. ed. M.A. Rozhkov. M.: Statut, 2016. 671 p.;
26. Sidorkin, Alexander Sergeevich. Principles of law: concept and implementation in the Russian legislation and jurisprudence: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.01 / Sidorkin Aleksandr Sergeevich; [Place of protection: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2010. - 206 p.
27. Fedoseev, Alexander Andreevich. The principle of cooperation of subjects of civil law: dissertation... PhD in Law: 12.00.03 / Fedoseev

Aleksandr Andreevich; [Place of defense: Ulyanovsk State University]. - Perm, 2021. - 184

28. Fomicheva, Olga Vladimirovna. The principle of full compensation for damages and its implementation in Russian civil law: dissertation... PhD in Law: 12.00.03. - Samara, 2001. - 166 p.

29. Chernov K. A. The principle of equality as a general legal principle of Russian law: dis. ... cand. legal Sciences. Samara, 2003.

30. Website of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education file:///C:/Users/user/Downloads/Review%20of the official%20opponent%20L.Yu.%20Mikheeva.pdf

Зарубежный опыт оценки судами необходимости установления обеспечительных мер в коммерческих спорах и процессуальные механизмы их применения

Абдуллина (Никулина) Валерия Александровна, аспирант Департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», vanikulina@hse.ru

Статья посвящена поиску оптимальных подходов применения института обеспечительных мер при разрешении коммерческих споров в зарубежных юрисдикциях. Анализируя особенности процессуальных механизмов принятия решений иностранными судами о необходимости установления ограничительных мер, автор описывает опыт определения предмета доказывания, уровня стандартов доказывания, распределения бремени доказывания, подходы к возмещению ущерба от обеспечительных мер, практики унификации оценки целесообразности применения досрочных ограничений. По итогам рассмотрения опыта зарубежных стран автор приходит к выводу о применимости отдельных элементов процедур применения обеспечительных мер в зарубежных юрисдикций к российской процессуальной модели, в частности, в установлении математических формул оценки эффективности обеспечительных мер, упрощенном подходе к оценке доказательств, компенсаторном механизме.

Ключевые слова: обеспечительные меры, средства доказывания, зарубежная юрисдикция, стандарты доказывания, CAS.

Обеспечительные меры представляются одним из эффективных процессуальных средств превенции нарушения прав участников споров, гарантией исполнимости судебных актов. Доказательством этого служить их широкое применение в различных юрисдикциях и процедурах разрешения правовых конфликтов.

Наибольшую проблему в использовании данного механизма составляет сложность доказывания необходимости обеспечительных мер, поскольку обстоятельства, являющиеся основанием для их установления, носят вероятностный характер, судье необходимо решить вопрос о дополнительной защите заявителя от потенциально возможных нарушений, при этом проводя оценку такой угрозы, суду необходимо отстраниться от предрешения исхода по судебному делу в целом. Важными вопросами являются также объем доказательств, необходимых для установления обоснованности ограничений, применяемые к ним стандарты доказывания. Безусловно, дискуссии происходят и вокруг подходов к возмещению убытков, причиненных в следствие чрезмерных или ошибочных ограничений, самой судебной процедуры, в которой устанавливаются обеспечительные меры – есть сторонники и одностороннего порядка, и состязательного порядка их введения.

Пытаясь решить данные вопросы на национальном уровне, представляется важным обращение к различным подходам в практике зарубежных стран, которое позволяет расширить привычное представление о функционировании данного процессуального института и совершить попытку митигации рисков и правовых препятствий для их применения, опираясь на рассматриваемый опыт иных юрисдикций.

В рамках данной статьи будут проанализированы разные аспекты применения процессуального (судебного) института обеспечительных мер в разных юрисдикциях в попытке ответить на вопросы, стоящие перед тождественной ограничительной процедурой, ис-

пользуемой российскими судами, будут проанализированы разные особенности правоприменительного зарубежного опыта.

Представляется справедливым, начать анализ с практики американских федеральных судов, которые, как и российские суды, сталкиваются с необходимостью определения пропорциональности обеспечительных мер в соотношении между обоснованностью иска, размером возможного ущерба и величиной неблагоприятных последствий. Для этого некоторые судьи используют математическую формулу, которая названа именем Лейбсдорфа - Познера (Leubsdorf - Posner's formula).

Формула отвечает на вопрос: «Требуется ли принятие обеспечительных мер в данном случае?». Ответ будет зависеть от соотношения двух переменных. Переменная «Х» равна произведению оценки ущерба истца в том случае, когда судом было отказано в принятии обеспечительных мер на показатель вероятности удовлетворения его исковых требований. Переменная «У» равна произведению оценки ущерба ответчика или третьих лиц, которые подверглись ограничению через обеспечительные меры, установленные судом, на показатель вероятности отказа в иске. В случае, если переменная «Х» больше, чем переменная «У», суд приходит к выводу о целесообразности и необходимости установления обеспечительных мер в конкретном деле[8].

Данный подход безусловно является более структурированным, чем свободная судебская оценка вероятностного характера наступления негативных последствий. Однако, как мы можем заметить, требует так же расчет показателей – вероятностей, которые могут отличаться, в зависимости от усмотрения судьи. При этом показатель суммы ущерба, вызванного принятием или отказом в принятии обеспечительных мер, представляется более однозначной величиной, которая подлежит вычислению.

Но тем не менее, применение данной формулы подверглось критике некоторых ученых еще и потому, что она ограничивает гибкость применения обеспечительных мер в качестве средства дополнительной защиты заявителя, особенно в случае установления судом возможных последствий, не имеющих денежной оценки. В частности, А. Цукерман отмечает, что математический подход к определению пропорциональности интересов сторон можно применить только тогда, когда обеим сторонам угрожает причинение ущерба в денежном выражении, и его можно определить с предельной точностью. При этом он справедливо отме-

чает, что при определении пропорциональности интересов сторон суд основывается на объективной оценке обстоятельств и исходит из собственного убеждения о пропорциональности ущерба[10].

Несмотря на недостатки текущей формулы Лейбсдорфа – Познера, математический подход к определению необходимости установления обеспечительных мер представляется интересным для российской юрисдикции. Унификация оценки вероятностного характера неблагоприятных последствий, облаченная в форму соотношения численных величин могла бы решить вопрос неопределенного судебного усмотрения и помочь использовать институт обеспечительных мер единообразно, а также дала бы судьям живой механизм и направление для исследования доказательств при оценке целесообразности ограничений.

Следующим важным примером для анализа является работа с обеспечительными мерами английских судей. Как и в российском судебном процессе, обеспечительные меры в Англии направлены на преодоление неэффективности вынесенного судебного решения. Реализовавшая свое право на судебную защиту сторона не всегда может получить законное возмещение от своего оппонента, поведение которого может быть направлено на рассеивание своих активов или помещение их в иные юрисдикции, где исполнение судебного акта будет затруднено или невозможно. Для предотвращения такой ситуации истец вправе просить у суда досрочного обеспечения своих прав[7].

Как подчеркивают исследователи, английские судьи чаще применяют обеспечительные меры и не руководствуются излишней осторожностью при решении этого вопроса. Большое значение в этом имеет то, что английские судьи защищены обязательством заявителя компенсировать ответчику убытки при отказе в иске, тогда как их российские коллеги должны оценивать обоснованность заявлений, поскольку компенсационный механизм не работает так безусловно[2].

Функционирование рассматриваемого института в англо-саксонской системе осуществляется, во-первых, для сохранения «status-quo» до вынесения окончательного судебного акта по делу, во-вторых, для предупреждения затягивания, задержек и в целом неэффективности непосредственно судебного процесса, в-третьих, для сохранения цельности активов для последующего исполнения судебного решения и предотвращения возможного ущерба и убытков[4].

Таким образом, в рамках реализации своего предназначения наиболее полно и ярко проявляется охранительная сущность института обеспечения, который ориентирован в итоге на содействие эффективности всего судопроизводства, а не только на осуществление защиты нарушенных прав.

Безусловно, интересен опыт Германии. В судопроизводстве данной страны при рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер установлены особенности доказывания, обусловленные неотложной потребностью применения данных мер: используется процедура «приведения достаточных оснований» (*Glaubmachung*). Перед заявителем не ставится задачи полностью убедить судью в наличии оснований для применения обеспечительных мер, поэтому достаточно доказать юридические факты, которые будут детерминировать вывод суда о том, что предоставленные доказательства скорее свидетельствуют о наличии необходимости установления ограничений, нежели об их отсутствии[9].

Вместе с тем, часто критикуется позиция немецких судов, согласно которой от заявителя нередко требуется предоставить не только доказательства обстоятельств, обосновывающих необходимость установления обеспечительных мер, но и удостоверение отсутствия фактов, которые могли бы служить возражением другой стороны. Это обусловлено тем, что сторона, в отношении которой могут быть установлены ограничительные меры, не участвует в рассмотрении данного вопроса, т.е. как и в России происходит одностороннее доказывание[1].

Важно отметить, что в судебной практике Германии выработан упрощенный подход к средствам доказывания необходимости применения института обеспечения: судами допускаются любые средства доказывания, в том числе досмотр, опрос, экспертиза и др., и которые не установлены законодательством в качестве допустимых доказательств, такие «свободные доказательства», не связанные процессуальной формой. К таким относятся заверение, незаверенные документы, письменные свидетельские показания, аудио и видеозаписи, заключения независимых экспертов и др. Такие виды доказательств облегчают процедуру доказывания необходимости принятия обеспечительных мер[3].

Представляется также интересным рассмотреть, как разрешаются вопросы о принятии обеспечительных мер в Международном спортивном арбитражном суде в Лозанне (далее – САС), несмотря на их узкоспециальный

характер и статус суда в качестве международного арбитража. Однако опыт САС и критерии, используемые им при рассмотрении вопросов о принятии обеспечительных мер, заслуживают внимания.

Прежде всего, Кодекс САС устанавливает следующие основания для наложения ограничений, во-первых, потенциальность опасности причинения заявителю непоправимого ущерба, во-вторых, ожидаемый положительный исход дела в отношении заявителя, в-третьих, «status-quo» сторон и третьих лиц[5].

Является неординарным для нашей национальной системы критерий положительного исхода процесса. Данное условие было призвано гарантировать более высокий уровень защиты для ответчика, в отношении которого в перспективе могут быть установлены ограничения, чтобы избежать случая необоснованного применения мер при решении по общему существу дела в его пользу. Однако данный критерий не в полной мере соотносится с национальной судебной практикой, исходящей из того, что решение по вопросу обеспечения иска не может предрешать исход дела.

Вместе с тем, необходимо отметить особенности рассмотрения критерия вероятного необратимого ущерба для заявителя. Несмотря на то, что бремя доказывания данного основания также возложено на заявителя, стандарт доказывания в данном случае существенно снижен, зачастую суду достаточно лишь удостовериться в теоретической вероятности возникновения такого вреда. Судом в рамках данного критерия оценивается степень сложности возмещения вреда заявителю, в случае непринятия обеспечительных мер[6].

Таким образом, при исследовании практики иностранных юрисдикций, можно сделать вывод об общей тенденции развития обеспечительных мер, однако, каждая из правовых систем использует специфический механизм их реализации. В зарубежных юрисдикциях проблема доказывания решается посредством разных процессуальных механизмов. Одним из способов является установление унифицированной формулы, позволяющей избежать субъективизацию принятия решения о применении обеспечительных мер. Представляется значимой практика английских судов в вопросе возложения возмещения убытков ограниченной стороны на заявителя, что позволяет суду без опасений применять обеспечительные меры, и дает возможность реализовываться данному институту во всем его потенциале. Оценивается применимый опыт упрощенного подхода к определению средств доказывания

наличия оснований для принятия обеспечительных мер в германской системе и практика снижения требований к доказательствам.

Литература

1. Волченко О.Ю. Обеспечение иска в гражданском процессуальном праве России и Германии: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013

2. Гландин С.В. Основные виды обеспечительных мер по праву Англии и Уэльса // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9

3. Давтян А.Г. Доказательства в гражданском процессе ФРГ // Законодательство. 2000. № 7

4. Ерпылева Н.Ю. Обеспечительные меры в международном гражданском процессе // Российский судья. 2009. № 10

5. Кислякова Н.Н. Особенности вынесения временных (обеспечительных) мер в Международном спортивном арбитражном суде в Лозанне // Международное правосудие. 2017. № 3

6. Определение о предварительных мерах Al Mastry FC v. EFA, CAS 2012/A/2802 Oder of 31 May 2012 [по: Du-val A., Rigozzi A. Yearbook of International Sports Arbitration: 2015. Berlin. 2016. P. 100]

7. Селькова А.А. Институт обеспечительных мер в правовой системе Англии // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2

8. Leubsdorf J. The Standard for Preliminary Injunctions // Harvard Law Review. 1978. № 91. URL: <https://www.jstor.org/stable/i257494>

9. Schusche W., Walker W. Vollstreckung und Vorläufiger Rechtsschutzes. Köln, 2008. Kom. zur 920. URL: <http://www.transpatent.com/advobook/de1614.html>

10. Zuckerman A. Zuckerman on Civil Procedure. Principles of Practice. London, 2006. C. 311-312. [by MacMahon P. Proceduralism, Civil Justice, and American Legal Thought. Legal Scholarship Repository, 2013 URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1038&context=jil>

11. Selkova A.A. Institute of interim measures in the legal system of England // Arbitration and civil procedure. 2018. No. 2

12. Leubsdorf J. The Standard for Preliminary Injunctions // Harvard Law Review. 1978. № 91. URL: <https://www.jstor.org/stable/i257494>

13. Schusche W., Walker W. Enforcement and Provisional legal protection. Cologne, 2008. Com. the 920th URL: <http://www.transpatent.com/advobook/de1604.html>

14. Zuckerman A. Zuckerman on Civil Procedure. Principles of Practice. London, 2006. C. 311-312. [by MacMahon P. Proceduralism, Civil Justice, and American Legal Thought. Legal Scholarship Repository, 2013 URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1038&context=jil>

establishing restrictive measures, the author describes the experience of determining the subject of proof, the level of standards of proof, burden of proof distribution, approaches to compensation for damages from interim measures, the practice of unification of the assessment of the feasibility of applying early restrictions. Following the results of the review of the existing procedural mechanisms, the author concludes that the applicability of certain elements of the procedures of foreign jurisdictions to the Russian procedural model in establishing mathematical formulas for evaluating the effectiveness of interim measures, a simplified approach to evaluating evidence, a compensatory mechanism.

Keywords: interim measures, means of proof, foreign jurisdiction, standards of proof, CAS.

References

1. Volchenko O.Yu. Securing a claim in the civil procedural law of Russia and Germany: comparative legal research: Dis. ... cand. jurid. M., 2013

2. Glandin S.V. The main types of interim measures under the law of England and Wales // Arbitration and civil procedure. 2016. No. 9

3. Davtyan A.G. Proofs in the civil process of Germany // Legislation. 2000. № 7

4. Erpyleva N.Yu. Interim measures in international civil procedure // Russian judge. 2009. № 10

5. Kislyakova N.N. Features of temporary (interim) measures in the International Court of Arbitration for Sport in Lausanne // International Justice. 2017. № 3

6. Decision of preliminary measures Al Mastry FC v. EFA, CAS 2012/A/2802 Oder of 31 May 2012 [по: Du-val A., Rigozzi A. Yearbook of International Sports Arbitration: 2015. Berlin. 2016. P. 100]

7. Selkova A.A. Institute of interim measures in the legal system of England // Arbitration and civil procedure. 2018. No. 2

8. Leubsdorf J. The Standard for Preliminary Injunctions // Harvard Law Review. 1978. № 91. URL: <https://www.jstor.org/stable/i257494>

9. Schusche W., Walker W. Enforcement and Provisional legal protection. Cologne, 2008. Com. the 920th URL: <http://www.transpatent.com/advobook/de1604.html>

10. Zuckerman A. Zuckerman on Civil Procedure. Principles of Practice. London, 2006. C. 311-312. [by MacMahon P. Proceduralism, Civil Justice, and American Legal Thought. Legal Scholarship Repository, 2013 URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1038&context=jil>

Foreign experience of courts' assessment of the need to establish interim measures in commercial disputes and procedural mechanisms for their application

Abdullina (Nikulina) V.A.

National Research University "Higher School of Economics"

The article is devoted to the search for optimal approaches to the application of the institute of interim measures in the resolution of commercial disputes in foreign jurisdictions. Analyzing the features of procedural mechanisms of decision-making by foreign courts on the necessity of

Проблемы снижения нагрузки на аппарат судов общей юрисдикции в Российской Федерации

Кузин Станислав Алексеевич,

аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», stasku96@gmail.com

В статье рассмотрены проблемные аспекты нагрузки на судей и судебный аппарат судов общей юрисдикции. Отмечено несовершенство методологии расчета эффективности и производительности суда. Рассмотрены перспективные направления цифровизации аппарата суда. Отмечен нераскрытый потенциал практик примирения и медиации, негативно влияющий на нагрузку судей. Выявлено, что снижение судебной нагрузки в судах общей юрисдикции возможно за счет изменения подхода к кадровой политике судебных органов. Автором статьи указывается, что перераспределение потоков дел между судами позволяет предположить рациональность углубления межтерриториального взаимодействия звеньев судебной системы. Судебная власть должна быть реформирована с точки зрения отхода от текущей территориальной делания, что позволит равномернее распределить потоки входящих дел в мегаполисах и малозаселенных территориях. Среди выявленных векторов совершенствования работы судебного аппарата в контексте снижения нагрузки – введение института специализированного суда.

Ключевые слова: судебный аппарат, суд общей юрисдикции, цифровизация, специализированный суд, производительность суда, примирение сторон, медиация, апелляционный суд

Реализация судебно-властных полномочий представляет собой ключевой аспект функционирования государственной судебной системы, будучи основным инструментом конфликто разрешения. Эффективность судебной системы в конечном итоге определяет четкость и отлаженность механизма государственной власти. Тем не менее, в российских реалиях современной эпохи наблюдается ряд барьеров, усложняющих работу государственной судебной системы.

Многолетние наблюдения за работой органов суда, проводимые исследователями и юристами-практиками, показывают, что эффективность деятельности судов напрямую зависит от степени их загруженности. Основной причиной волокиты и судебных ошибок выступает перегруженность судей делами [1, с. 208]. Термин «судебная нагрузка», а также тождественные ему выражения «служебная нагрузка на судей», «нагрузка на судей» довольно часто появляются в юридической литературе, широко используются в СМИ, профессиональном общении и официальных документах. Именно загруженность судов становится приоритетной проблемой, активно обсуждаемой в новейших научных исследованиях. При этом данная проблема выходит за рамки сферы деятельности одного вида судов и затрагивает также взаимодействие между судами разных видов, а также напрямую обусловлена несовершенством законодательных норм.

М. А. Рахманова и П. В. Шумов приводят данные исследования (2019 г.), согласно которым только 24% российских судей в судах общей юрисдикции не испытывают проблем с нагрузкой, тогда как 62% отмечают практику регулярных переработок более чем вдвое, 5% судей говорят о пятикратном превышении количества рассматриваемых ими дел. Кроме того, по данным вышеуказанных авторов, российский судья рассматривает дела с темпом в 3-5 раз выше рекомендуемого [6, с. 213]. Более того, количество дел и материалов в судах возрастает ежегодно (ежегодный прирост состав-

ляет около 6-7% количества дел и материалов). Численность судей при этом практически не меняется, а в некоторых субъектов Российской Федерации количество судей неуклонно падает. Судьи, перегруженные делами, чаще основываются на интуиции при вынесении решений, так как времени на аналитическую работу с материалами дела и законодательным массивом, относящимся к делу, у них физически нет [6, с. 214].

Некоторые представители научного сообщества (к примеру, эксперты Центра стратегических разработок и Института проблем правоприменения при Европейском университете, г. Санкт-Петербурге) говорят о том, что решение проблемы нагрузки на суды общей юрисдикции следует начинать со снижения потока входящих дел. Высказываются мнения о существенном увеличении госпошлины на подачу искового заявления юристами [6, с. 215]. По мнению правоведов, это приведет к тому, что юридические лица перестанут «злоупотреблять» преференциями дешевого и доступного правосудия и перенаправят усилия на поиск альтернативных способов урегулирования конфликта: переговоры, реструктурирование платежей и медиацию. Кроме того, это существенно снизит количество «малых» исков. По нашему мнению, такая мера не представляется целесообразной, ведь снижение нагрузки на суды посредством повреждения существующей в государстве системы доступного правосудия для граждан, по крайней мере, противоречит логике.

В рамках данной статьи, таким образом, мы рассмотрим основные векторы решения проблем избыточной нагрузки на судебный аппарат в контексте судов общей юрисдикции.

Во-первых, отметим **несовершенство методологии расчета эффективности и производительности суда**. Российская правовая система, будучи преемницей советской, продолжает исходить из квалиметрического инструментария, представленного еще в 1960-х гг. Квалиметрия основана на переводе качественных данных в количественные; применение подобного метода подсчета эффективности работы судов общей юрисдикции сегодня обнаруживает ряд недостатков. К примеру, количественный подход игнорирует качественные показатели, не учитывает системные связи, формируемые судебным аппаратом, ориентируется на выполнение нормативного показателя, а не на потребности сотрудников судебных органов и общества. Несмотря на то, что текущая практика оценки эффективности

работы суда позволяет получить широкую статистическую картину, она ставит во главу угла количество дел, рассматриваемых судами. Стремясь обеспечить «норму», судья, таким образом, рассматривает как можно больше дел, что увеличивает риски поверхностного рассмотрения сути дела и количество дефектов судебной практики [8, с. 197]. Отсутствие учета системности судебного аппарата не позволяет перераспределить нагрузку в том или ином суде. К примеру, по данным статистики, собранной за несколько последних лет, на одного судью приходится 76 дел и материалов ежемесячно, но при этом основная нагрузка приходится на судей мировых судов, которые рассматривают гораздо большее количество дел, в сопоставлении в усредненным показателем [8, с. 197]. По нашему мнению, отход от ориентировки на нормативный показатель количества рассмотренных дел позволит избежать «конвейера», существующего в современном судопроизводстве и положительно скажется на качестве правосудия. Однако для этого требуется, прежде всего, снизить нагрузку на судей и судебный аппарат.

Во-вторых, одним из решений, которое сможет частично облегчить бремя судебного аппарата, является **цифровизация суда**. В. С. Чепурков, к примеру, говорит о нераскрытом потенциале технологий в российских судах. Речь идет о блокчейн-технологиях, big-data, нейросетях и прочих алгоритмах, способных компилировать решения, находить ошибки в данных, вносить исправления и дополнения в данных. Некоторые шаги в сторону цифровизации аппарата суда уже были предприняты в российской правовой системе; например, все чаще в правовой действительности имеют место цифровые дистанционные технологии [7, с. 176]. Обеспечивая прозрачность, гласность и открытость досудебных и судебных процедур, дистанционные средства связи способствуют снижению временных затрат на передачу информации между субъектами, возводя мобильность суда до максимально возможного уровня [10, с. 177]. Как известно, одной из важных задач государства является повышение доступности судебного правосудия; благодаря цифровым технологиям граждане будут избавлены от необходимости присутствия в зале судебного заседания, что сокращает как их личные расходы, так и государственные издержки [11, с. 33]. Кроме того, отмечено, что такие суды проходят гораздо быстрее и удобнее, нежели суды, где обеспечено физическое присутствие заинтересованных граждан.

Цифровизация снижает не только нагрузку судей, но и прочих сотрудников органов судебной власти; в частности, существующие информационные системы позволяют гражданам осуществить электронную подачу документов, не обращаясь в канцелярию суда. Кроме того, суды оказываются избавленными от необходимости предоставления колоссального объема справочных данных и обработки большого количества поступающих запросов от граждан: в электронной картотеке на официальном сайте суда сегодня можно найти необходимый текст решения суда. Можно сказать, что сегодня в стране практически обеспечена доступность текстов решений судов всех звеньев и уровней. Отметим и потенциал полной автоматизации функций судебного аппарата [5, с. 107]. Работники суда, к примеру, могут направлять уведомления участникам процесса посредством электронной рассылки сообщений [2, с. 12].

В-третьих, следует выделить такое средство снижения нагрузки на судебный аппарат, как **популяризация практики примирения**. Примирение – одно из приоритетных направлений судебной политики в России, что можно подтвердить поправками в процессуальные кодексы, внесенными Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ. Государственная инициатива по развитию практики примирительных процедур преследует крайне важные для развития гражданского общества цели: повышение качества правосудия, снижение конфликтности, укрепление социальных связей, повышение правосознания и социальной активности. Более того, достижение вышеперечисленных целей порождает один важный «побочный эффект» в виде ощутимого снижения судебной нагрузки. На практике, к сожалению, случаи примирения или участия сторон в процессах медиации крайне редки. Как указывают Е. С. Трезубов и Е. Г. Исакова, концепция судебной медиации в России была реализована крайне неудачно. Количество рассмотренных дел с участием медиаторов составляет, к примеру, 0,00136 % в арбитражных судах (2018 г.) и 0,00534 % – в судах общей юрисдикции [9, с. 89]. Причиной отказа сторон от примирения является, чаще всего, низкий уровень предпринимательской культуры, приводящий к недобросовестности сторон хозяйственных отношений, а впоследствии – правоотношений. Данная черта усугубляется неудовлетворительной и нестабильной экономической обстановкой в стране: предпринимателю оказывается легче не выполнять взятые на себя обязатель-

ства и ожидать суда, чем прибегнуть к примирению или медиации. В совокупности все эти факторы приводят к показателю в 24 млн гражданских и административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами каждый год. Таким образом, приходится констатировать, что «потенциал внедрения примирительных процедур в отечественный цивилистический процесс ограничен» [9, с. 89]. Возможно, выходом из сложившейся ситуации будет реформирование алгоритмов примирительных процедур и расширение масштабов имплементации медиации.

В-четвертых, снижение судебной нагрузки в судах общей юрисдикции возможно за счет **изменения подхода к кадровой политике судебных органов**. Наиболее очевидным шагом к снижению перегруженности судов является увеличение численности состава судебного корпуса (существует мнение о том, что оптимальная нагрузка на судебный аппарат достижима при условии увеличения штатной численности судей в России в 2,1 раза [Рахманова, с. 215]). Однако, ряд проблем можно решить посредством делегирования некоторых судебных полномочий помощникам судей.

Имеет смысл расширить и численность иных должностных лиц, работающих при судах. Проблема нехватки сотрудников в судах общей юрисдикции обусловлена представлениями о непрестижности данного рода занятий: переработки, низкий уровень заработной платы, стрессы – все это приводит к отсутствию потока желающих занять вакансию помощника или секретаря судебного заседания. Налицо необходимость увеличения заработной платы секретарей судебного заседания и помощников судьи; подобная мера позволит повысить престижность данного вида занятости и привлечь квалифицированных юристов, что не только увеличит количество времени, затрачиваемого на дело в среднем, но и существенно повысит качество судопроизводства. В качестве дополнительной меры назовем введение резервных судебных ставок и временных судей [8, с. 198].

Необоснованно низкий уровень оплаты труда служащих судебной системы дестабилизирует кадровый состав аппаратов судов (ежегодный показатель сменяемости кадрового состава в ряде регионов России составляет от 150 до 400%). К сожалению, фонд оплаты труда сотрудников аппаратов судов является недостаточным, поэтому имплементировать описанные нами меры в ближайшей перспективе не представляется возможным. В 2017 г.

был представлен законопроект «О государственной судебной службе Российской Федерации», в рамках которого предлагалось реструктурировать систему оплаты труда служащих в судебном аппарате лиц, который, однако, получив отрицательные заключения от Правительства и профильного Комитета Государственной Думы, данный проект был отклонен [12, с. 146]. Д. И. Штефан, опираясь на средние показатели дохода судей, указывает, что средний уровень дохода судебных служащих должен составлять около 60 тыс. руб. – такой уровень заработной платы повысит престижность профессии. Частично решить проблему нехватки средств исследователь предлагает за счет повышения пошлин, взимаемых при рассмотрении судебных споров [12, с. 147].

В-пятых, снижение нагрузки на суды общей юрисдикции возможно за счет **изменения порядка пересмотра дел в апелляционных судах общей юрисдикции**. Следует понимать, что судебный аппарат представляет собой гибкую, мобильную конструкцию, соответственно, и звенья данной конструкции можно «загрузить или разгрузить внесением изменений в процессуальное законодательство» [4, с. 59]. Сама структура судебной системы России предусматривает резерв для реинжиниринга процессов, протекающих в ней – таким образом, чтобы каждое из звеньев было нагружено более или менее равномерно. Перенаправление потоков, в частности, возможно на уровне апелляционного суда. Как известно, в России при создании апелляционных судов апелляционный порядок пересмотра дел на региональном уровне остался неизменным. Нагрузка на судей, таким образом, осталась на прежнем уровне, тогда как судьи апелляционных судов оказались относительно не загружены. Следовательно, целесообразным представляется снизить нагрузку на судебный аппарат областного звена за счет передачи в апелляционные суды дел в отношении юридических лиц, рассмотренных районными судами.

В-шестых, вышеотмеченное перераспределение потоков дел между судами позволяет предположить **рациональность углубления межтерриториального взаимодействия звеньев судебной системы**. Судебная власть, по нашему мнению, должна быть реформирована с точки зрения отхода от текущего территориального деления. Данную меру можно ввести подобно тому, как в контекст исполнительной власти была реализована практика создания межрайонных структур, позволившая эффективизировать работу исполни-

тельных структур. Судебная система будет работать эффективно в том случае, если устранить прямую связь ее компонентов с административно-территориальным делением государства. Р. С. Александрова в данной связи предлагает выстраивать сеть судов по окружному принципу, не учитывая при этом специфику административного деления. В ряде удаленных от европейской части субъектов Российской Федерации основная часть населения сосредоточена в крупных городах, а остальная – проживает диффузно в удаленных друг населения пунктах – подобная специфика расселения населения страны, безусловно, выступает одной из причин неравномерной нагрузки на судебный аппарат [1, с. 209]. М. А. Рахманова и П. В. Шумов указывают, что специфика судебной системы России такова, что темпы работы крайне вариабельны в различных частях страны (нагрузка, к примеру, на московских и чукотских судей несопоставима) [6, с. 214].

Опираясь на позитивный опыт межрайонных отделений Управления Федеральной миграционной службы, инспекций Федеральной налоговой службы, отделений Федеральной службы судебных приставов и проч., вполне возможно разработать концепцию реорганизации системы судов общей юрисдикции на базе модели системы межрайонных судов. Согласимся также с Р. С. Александровой в том, что, помимо прочего, следует «принять к сведению опыт системы арбитражных судов РФ, в которой апелляционные и кассационные полномочия осуществляют судебные органы, созданные вне рамок традиционного административно территориального деления» [1, с. 209].

Наконец, последний из выявленных нами векторов совершенствования работы судебного аппарата в контексте снижения нагрузки – **введение института специализированного суда**. На сегодняшний день единственным судом, классифицируемым в качестве специализированного, является суд по интеллектуальным правам, существующий в системе арбитражных судов. Данный суд был учрежден по причине перегрузки арбитражных судов и затягивания сроков рассмотрения дел и принятия решений по ним.

Специализированный суд сможет снять избыток нагрузки с судов общей юрисдикции, упростив при этом рассмотрение дел. Более того, специализированный суд характеризуется неформальностью и малозатратностью процедур судебного разбирательства. Среди недостатков такой меры можно отметить то,

что другой процессуальный порядок влечет за собой необходимость коренных изменений процессуального законодательного массива.

Имплементация концепции специализированных судов сопряжена с рядом барьеров и требует колоссальной работы по их организации и принятию соответствующих законодательных норм. Как известно, споры, происходящие в специализированных судах, отличаются повышенной сложностью и необходимостью «погружения» в контекст дела. Специалисты, работающие в подобных судах, должны иметь целостное представление о том сегменте науки и социальной жизни, с которыми соотносится подобный суд. Возможно, целесообразным будет, по примеру ряда западных стран, привлекать так называемых «судей-техников», не являющихся судьями формально, но выполняющими функции судей в конкретном процессе. В России же экспертное знание в специализированном суде несет в себе не судья, а приглашенный специалист. Ранее законодатели уже предпринимали попытки заимствования опыта судей-техников, но столкнулись с непреодолимым конституционным барьером (ст. 119 Конституции) [3, с. 51]. Таким образом, специализированный суд – эффективное решение проблемы избыточной нагрузки судебного аппарата, которое, тем не менее, требует существенных затрат и времени на реализацию.

Таким образом, судьи и служащие судов общей юрисдикции вынуждены подстраиваться к возросшим нагрузкам, что, как правило, происходит посредством «конвейерного судопроизводства». Данная негативная тенденция привела к тому, что судьи стремятся поскорее завершить процесс рассмотрения дела и вынести решение на базисе отработанного шаблона. Тем не менее, законодатель вполне способен принять меры, которые бы значительно помогли сгладить существующие противоречия – многие из подобных мер представлены в тексте данной статьи. Осуществление комплекса мер, направленных на разрешение проблемы повышенной нагрузки на аппарат суда общей юрисдикции, может, безусловно, улучшить состояние современного российского правосудия и повысить его качество.

Литература

1. Александрова, Р. С. Некоторые административно-правовые аспекты оптимизации системы судов общей юрисдикции / Р. С. Александрова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – №4. – С.208-210.
2. Бурлакова, П. А. Применение информационных технологий в судах общей юрисдикции / П. А. Бурлакова // Нацразвитие. Наука и образование. – 2022. – №1 (4). – С.11-13.
3. Ермолаев, К. А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации / К. А. Ермолаев // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – №4 (48). – С.48-58.
4. Коршунов, Ю. А. О возможности изменения порядка пересмотра дел в апелляционных судах общей юрисдикции / Ю. А. Коршунов // Юридическая наука. – 2020. – №2. – С.58-61.
5. Постная, Е. Н. Возможности и ограничения использования информационных технологий в процессуальном праве / Е. Н. Постная, Д. В. Постный // Юридическая наука. – 2022. – №2. – С.107-109.
6. Рахманова, М. А. Нагрузка на судей и качество правосудия / М. А. Рахманова, П. В. Шумов // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – №10. – С. 213-216.
7. Руднева, Ю. В. Электронное правосудие в гражданском процессе / Ю. В. Руднева, Ю. А. Кавкаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 1–2. С. 176-180.
8. Савенкова, М. И. Актуальные вопросы деятельности судов общей юрисдикции в России и за рубежом / М. И. Савенкова // Право и практика. – 2022. – №1. – С.196-200.
9. Трезубов, Е. С. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России / Е. С. Трезубов, Е. Г. Исакова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – №1 (13). – С.88-94.
10. Чепурков, В. С. О некоторых особенностях защиты гражданских прав посредством применения цифровых дистанционных технологий / В. С. Чепурков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №11-1. – С.175-178.
11. Шахова, А. М. Цифровизации в гражданском процессе проблемы доказывания / А. М. Шахова // Юридическая наука. – 2020. – № 7. – С. 32-36.
12. Штефан, Д. И. Кадровый аспект в обеспечении организации судебной деятельности: проблемы и перспективы / Д. И. Штефан // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 10. – С. 144-152.

Problems of reducing the working load on the staff of general jurisdiction courts

Kuzin S.A.

Russian State University of Justice

The article covers with the problematic aspects of the load on judges and the judiciary of courts of general jurisdiction. The imperfection of the methodology for calculating the efficiency and productivity of the court is noted. The perspective directions of digitalization of the apparatus of the court are considered. It is assumed that the potential of conciliation and mediation practices is not used in the Russian court system, which negatively affects the workload of judges. It was revealed that the reduction of the judicial workload in the courts of general jurisdiction is possible due to a change in the approach to the personnel policy of the judiciary. The author of the article points out that the redistribution of the flow of cases between the courts suggests the rationality of deepening the inter-territorial interaction of the parts of the judicial system. The judiciary should be reformed in terms of moving away from the current territorial divisions which allows to distribute the flows of incoming cases more evenly. The introduction of the institution of a specialized court is stated among the identified vectors for improving the work of the judiciary in the context of reducing the workload

Keywords: judicial office, court of general jurisdiction, digitalization, specialized court, court productivity, conciliation of parties, mediation, court of appeals

References

1. Aleksandrova, R. S. Some administrative and legal aspects of optimizing the system of courts of general jurisdiction / R. S. Aleksandrova // *Problems of economics and legal practice*. - 2009. - No. 4. - P.208-210.
2. Burlakova, P. A. Application of information technologies in courts of general jurisdiction / P. A. Burlakova // *National Development. Science and education*. - 2022. - No. 1 (4). - P.11-13.
3. Ermolaev, K. A. Prospects for the development of specialized judicial bodies in the

Russian Federation / K. A. Ermolaev // *Izvestiya VUZov. Volga region. Social Sciences*. - 2018. - No. 4 (48). - P.48-58.

4. Korshunov, Yu. A. On the possibility of changing the procedure for revising cases in appellate courts of general jurisdiction / Yu. A. Korshunov // *Legal Science*. - 2020. - No. 2. - P.58-61.

5. Postnaya, E. N. Possibilities and limitations of the use of information technologies in procedural law / E. N. Postnaya, D. V. Postny // *Legal Science*. - 2022. - No. 2. - P.107-109.

6. Rakhmanova, M. A. The burden on judges and the quality of justice / M. A. Rakhmanova, P. V. Shumov // *Bulletin of Science and Practice*. - 2019. - T. 5. - No. 10. - S. 213-216.

7. Rudneva, Yu. V. Electronic justice in civil proceedings / Yu. V. Rudneva, Yu. A. Kavkaeva // *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. - 2020. - No. 1–2. pp. 176-180.

8. Savenkova, M. I. Topical issues of the activity of courts of general jurisdiction in Russia and abroad / M. I. Savenkova // *Law and Practice*. - 2022. - No. 1. - P.196-200.

9. Trezubov, E. S. Novels of judicial reconciliation in the context of the judicial and legal policy of modern Russia / E. S. Trezubov, E. G. Isakova // *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. - 2020. - No. 1 (13). – P.88-94.

10. Chepurkov, V. S. On some features of the protection of civil rights through the use of digital remote technologies / V. S. Chepurkov // *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. - 2021. - No. 11-1. - P.175-178.

11. Shakhova, A. M. Digitalization in the civil process of the problem of proof / A. M. Shakhova // *Legal Science*. - 2020. - No. 7. - P. 32-36.

12. Stefan, D. I. Personnel aspect in ensuring the organization of judicial activities: problems and prospects / D. I. Stefan // *Actual problems of Russian law*. - 2021. - T. 16. - No. 10. - S. 144-152.

Упрощенное производство в арбитражном процессе

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, pmv0929@yandex.ru

Банных Станислав Германович

кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Bannyx.Stas@mail.ru

Ходасевич Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Уральский государственный экономический университет, vaha_694@mail.ru

В рамках данной статьи рассматриваются наиболее актуальные проблемы правоприменительного характера в упрощенном производстве арбитражного суда, которые вызываются, по большей части, несовершенством норм действующего законодательства в этой области, и требуют пристального внимания со стороны законодателя. По своей сути, упрощенный порядок судебного производства явился вынужденной мерой примененной органами судебной власти в целях «разгрузки» судов от валового количества судебных исков. В статье определяется обоснование, порядок, основания и принципы упрощенного судопроизводства.

Ключевые слова: арбитражное законодательство, нормативно-правовой акт, Федеральный закон, судебная деятельность, правосудие, исковое производство, иностранное лицо, взыскание, денежные средства, административное наказание, административная ответственность, административный орган, обязательный платеж, ответчик, нотариус, акцепт, неакцепт, интеллектуальное право.

В рамках отечественного арбитражного законодательства институт упрощенного производства фактически появился в момент принятия первоначальной редакции Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ) [1], т.е. еще в 2002 г. Результатом принятия данного нормативно-правового акта стало резкое увеличение объема рассматриваемых арбитражными судами дел. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что количество рассмотренных дел в первый год после принятия АПК РФ увеличилось более чем в 4 раза (в 2002 г. было рассмотрено 16139 дел, а в 2003 – 67272 дела).[8] Так же следует отметить и современное состояние статистических данных, а именно, в 2021 году Арбитражные суды рассмотрели 1,63 млн. дел. Рекорд по этому показателю суды поставили еще в 2018 году, когда разрешили 1,91 млн. дел. Сейчас показатель лишь немного превышает аналогичный за 2016 год — тогда рассмотрели 1,57 млн. дел.

За все время существования вышеуказанного нормативно-правового акта непосредственно в содержание гл. 29 АПК РФ, положения которой регламентирован порядок рассмотрения дел в порядке особого судопроизводства, крупные изменения фактически вносились лишь единожды – во время принятия Федерального закона от 25.06.2012 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства». [2]

Однако следует также отметить и то обстоятельство, что в содержание отдельных статей вышеуказанной главы АПК РФ также вносились периодические изменения, которые не изменяли лишь отдельные аспекты исследуемого правового института (например, в результате принятия Федерального закона от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] изменения были внесены в содержание п. 2 ч. 5 ст. 227 АПК РФ).

Говоря о сущности упрощенного производства в принципе, необходимо отметить, что, несмотря на наличие некоторых специфичных признаков, данный вид судебной деятельности также следует считать правосудием, в связи с чем на нее распространяется все требования, предъявляемые к другим видам правосудия.[4]

В силу требований ч. 1 ст. 226 АПК РФ порядок упрощенного производства базируется на общих правилах, регламентированных для искового производства, однако при этом характеризуется и наличием некоторых отличительных особенностей.

Первой отличительной особенностью, вытекающей из содержания ч. 2 ст. 226 АПК РФ, является сокращенный срок рассмотрения дел, который, в отличие от общего срока (6 мес.) составляет всего лишь 2 мес. Более, такой срок, по общему правилу, не может быть продлен. Исключением являются лишь случаи, обозначенные в ч. 3 ст. 253 АПК РФ (когда возникает необходимость извещения иностранных лиц, проживающих за пределами РФ).

Следующая особенность данного порядка заключается в том, что посредством его использования могут быть рассмотрены лишь отдельные, строго определенные (в ст. 227 АПК РФ) категории дел.

К числу таких дел, в частности, необходимо относить следующие категории:

- о взыскании денежных средств (в случае, когда цена соответствующего иска не превышает 400 тыс. руб. – для индивидуальных предпринимателей и 800 тыс. руб. – для юридических лиц);

- об оспаривании ненормативных правовых актов (при условии, что в содержании соответствующего акта наличествует требование об уплате денежных средств или предусмотрено их взыскание);

- о привлечении к административной ответственности, включая оспаривание решений административных органов (при условии, что за совершение соответствующего административного правонарушения в качестве административного наказания может быть назначено предупреждение либо административный штраф, который, в свою очередь, не может превышать 100 тыс. руб.);

- о взыскании обязательных платежей и санкций (при условии, что общий размер их суммы не превышает 200 тыс. руб.).

Более того, данный порядок также может использоваться и для рассмотрения некоторых иных категорий дел, которые при этом никак не зависят от стоимости соответствующего иска.[7]

В частности, речь идет о делах, основанием для рассмотрения которых явились иски, в основе которых лежат документы, устанавливающие денежные обязательства ответчика (при условии, что соответствующие требования ответчиком признаются, но при этом не исполняются), а также по делам о требованиях, касающихся совершенного нотариусом протеста векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта.

В силу требований ч. 3 ст. 227 АПК РФ перечень дел, которые могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства, не ограничивается исключительно вышеперечисленными категориями дел, а также включает еще и категории дел, регламентированные ч. 5 ст. 227 АПК РФ.

Кроме того, в рамках анализируемой статьи также определены некоторые категории дел, которые ни в коем случае не могут быть рассмотрены с использованием исследуемого порядка производства в арбитражных судах (например, дела, относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам). [6]

Еще одной особенностью исследуемого порядка является необходимость размещения поданного искового заявления в сети «Интернет», размещение которого осуществляется в течение 5 дней со дня его принятия в режиме ограниченного доступа. Более того, аналогичное требование распространяется и на определение, которые судья соответствующего арбитражного суда выносит по результатам рассмотрения вопроса о принятии полученного искового заявления.

Следует отметить, что упрощенный порядок не лишает стороны возможности представлять различные доказательства, на основе которых они выстраивают свои требования (либо возражения) – такие доказательства могут направляться как в соответствующий суд, так и напрямую противоположной стороне. Аналогичное правило распространяется и на дополнительные документы, которые, в свою очередь, могут содержать объяснения по существу заявленных требований и возражений, а также обоснование своей позиции.

Вся вышеуказанная информация (включая отзыв на иск, доказательства сторон, дополнительные документы и т.д.) также размещается непосредственно в сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа.

Пожалуй, главной особенностью данного порядка рассмотрения дел является тот факт, что рассмотрение дело происходит судьей без вызова сторон соответствующего спора (соот-

ветственно, предварительное судебное заседание в случае использования данного порядка также не проводится).

Основанием для принятия судьей решения по делу являются направленные сторонами иск и отзыв на него, доказательства и другие дополнительные документы, размещаемые в сети «Интернет» в ограниченном доступе.

В процессе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства не составляется протокол, а судебное разбирательство не может быть отложено.[5]

Решение по таким делам принимается немедленно посредством его подписания соответствующим судьей, а его резолютивная часть размещается в сети «Интернет» (мотивированное решение составляется лишь в случае получения заявления участвующего в деле лица либо в случае подачи апелляционной жалобы).

Таким образом, подводя итог, необходимо еще раз отметить, что упрощенный порядок рассмотрения дел, регламентированный положениями гл. 29 АПК РФ, следует считать одной из разновидностей правосудия, которая при этом характеризуется наличием некоторых отличительных черт, выражающихся в применении данного порядка к строго определенным категориям дел, сокращенных сроках рассмотрения, отсутствии необходимости участия сторон в процессе рассмотрения соответствующего дела, и т.д.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – ст. 3012.

2. Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.06.2012. – № 26. – ст. 3439.

3. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.03.2016. – № 10. – ст. 1319.

4. Кабисов Ч.М. Упрощенное производство в арбитражном и гражданском процессе / Ч.М. Кабисов // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов, магистрантов и студентов

ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 290-293.

5. Леонтьева А.А. Об особенностях упрощенного производства в арбитражном процессе / А.А. Леонтьева // Форум молодых ученых. – 2019. – № 12 (40). – С. 442-446.

6. Руднева Ю.В. Сравнительный анализ упрощенного производства в гражданском и в арбитражном процессе / Ю.В. Руднева, А.А. Персидская // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 12-2. – С. 124-126.

7. Румянцева М.О. Упрощенное производство в арбитражном процессе: результаты реформирования / М.О. Румянцева, К.Н. Ельшова // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2019. – Т. 10. – № 3 (24). – С. 137-140.

8. Судебно-арбитражная статистика // Вестник ВАС РФ. – 2006. – №5.

Simplified proceedings in the arbitration process

Permyakov M.V., Bannykh S.G., Khodasevich O.N.

Ural State University of Economics

Within the framework of this article, the most pressing problems of law enforcement in the simplified proceedings of the arbitration court are considered, which are caused, for the most part, by the imperfection of the norms of the current legislation in this area, and require close attention from the legislator. In essence, the simplified procedure of judicial proceedings was a forced measure applied by the judicial authorities in order to "unload" the courts from the gross number of lawsuits. The article defines the rationale, procedure, grounds and principles of simplified legal proceedings.

Keywords: arbitration legislation, regulatory legal act, Federal law, judicial activity, justice, claim proceedings, foreign person, recovery, money, administrative punishment, administrative responsibility, administrative body, mandatory payment, defendant, notary, acceptance, non-acceptance, intellectual property law.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 07/29/2002. - No. 30. - art. 3012.

2. Federal Law of June 25, 2012 No. 86-FZ "On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with the improvement of simplified proceedings" //

Collected Legislation of the Russian Federation. – 06/25/2012. - No. 26. - Art. 3439.

3. Federal Law of 02.03.2016 No. 45-FZ “On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 03/07/2016. - No. 10. - Art. 1319.

4. Kabisov Ch.M. Simplified proceedings in arbitration and civil proceedings / Ch.M. Kabisov // Bulletin of scientific works of young scientists, graduate students, undergraduates and students of FSBEI HE "Mountain State Agrarian University". - Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University, 2018. - P. 290-293.

5. Leontieva A.A. On the features of simplified proceedings in the arbitration process / A.A. Leontiev // Forum of Young Scientists. - 2019. - No. 12 (40). - S. 442-446.

6. Rudneva Yu.V. Comparative analysis of simplified proceedings in civil and arbitration proceedings / Yu.V. Rudneva, A.A. Persian // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2018. - No. 12-2. - S. 124-126.

7. Rumyantseva M.O. Simplified proceedings in the arbitration process: the results of the reform / M.O. Rumyantsev, K.N. Elshova // Bulletin of the Institute of World Civilizations. - 2019. - T. 10. - No. 3 (24). - S. 137-140.

8. Judicial and arbitration statistics // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2006. - No. 5.

Особенности охраны общественного порядка на территории проведения специальной военной операции

Ильин Юрий Иванович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, подполковник полиции, Сибирский юридический институт МВД, Gog_68@mail.ru

Сейчас в обществе достаточно остро актуализируются вопросы защиты территориальной целостности государства и проблемы обеспечения надлежащего правопорядка в отдельных регионах СВО, что является следствием фактического внешнего вмешательства и организации массовых беспорядков (террористических актов) на приграничных территориях ДНР и ЛНР. Отдельные проявления террористической деятельности наблюдаются в Харьковской, Днепропетровской, Одесской, Херсонской и других областях. Указанные факторы требуют оперативного поиска руководством МВД РФ, ВС РФ и другими военными формированиями (командирами добровольческих батальонов) адекватных реальных форм и методов противодействия, которые часто выходят за пределы установленных законодательством видов несения службы сотрудниками полиции. Стоит помнить, что наивысшей ценностью является человеческая жизнь.

Ключевые слова: общественный порядок, территория, специальная военная операция, охрана, особенности.

По состоянию на 22.07.2022 года во время выполнения обязанностей по охране общественного порядка в проведении СВО погибли более 100 работников МВД. Вопросы охраны и обеспечения общественного порядка были предметом исследования многих отечественных ученых, которые рассматривали различные аспекты этой проблемы в нормальных условиях жизнедеятельности общества либо в экстремальных условиях, что обусловлены природным или техногенным характером их происхождения [2].

Несмотря на это, вопросы охраны общественного порядка с участием сотрудников полиции в условиях проведения СВО вообще не рассматривались (публикации отсутствуют в открытом доступе) или есть наработками учебных заведений или практических специализированных органов и подразделений военных (военизированных) формирований и отдельных ученых, которые имеют допуск к режиму секретности (для служебного пользования, секретно) [8]. Учитывая новые для РФ условия социально-политической ситуации, которые возникли в течение последнего времени в ДНР и ЛНР, современные исследования относительно влияния опасных факторов на работников полиции и совершенствование тактики действий при охране ими общественного порядка в проведении СВО (фактически во время ведения боевых действий) в нашей стране только начинают осуществляться [9].

Цель статьи – раскрыть потенциальные возможности блокпостов (блокировка отдельных территорий от нападений ВСУ и их сдерживание от дальнейшего продвижения, создание коридоров для беженцев, обеспечение общественного порядка и тому подобное) как вида несения службы сотрудниками ОВД в условиях проведения СВО [7].

СВО проводится лишь при наличии реальной угрозы жизни и безопасности граждан, интересам общества или государства в случае, если устранение этой угрозы другими способами невозможно [6].

Во время проведения СВО используются силы и средства (личный состав, специалисты, оружие, специальные и транспортные средства, средства связи, иные материально-технические средства и тому подобное) субъектов борьбы с терроризмом, а также предприятий, учреждений, организаций, которые привлекаются к участию в контртеррористической операции [1].

В современных условиях органами власти и силовыми структурами постоянно совершенствуются

меры (организационные, тактические, материально-технические и др) относительно адекватные противодействия, в которых (мероприятиях – уточнено) непосредственное участие принимают не только военнослужащие АС РФ, а и работники МВД РФ и других военных или военизированных формирований государства. В частности, недавно законодательством как крайняя мера предусмотрено право на применение сотрудниками полиции без предупреждения физической силы, специальных средств и оружия, если возникла непосредственная угроза жизни или здоровью граждан или работников полиции, а также в районе проведения СВО [4].

МВД осуществляет борьбу с терроризмом путем предупреждения, выявления и пресечения преступлений, совершенных с террористической целью, расследование которых отнесено законодательством к компетенции органов внутренних дел; предоставляет ФСБ РФ необходимые силы и средства; обеспечивает их эффективное использование во время проведения антитеррористических операций [3].

Согласно положениям МВД РФ, для несения патрульно-постовой службы используются следующие виды нарядов, как [5]:

1) патрули (подвижной наряд в составе одного или нескольких работников полиции, который выполняет возложенные на него обязанности на маршруте патрулирования);

2) передвижные полицейские группы (комбинированный по составу и оснащен специальными техническими средствами наряд полиции на автомобиле, который несет патрульную службу на закрепленном секторе и предназначен для принятия неотложных мер по предупреждению нарушений общественного порядка, осуществление оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений по свежим следам);

3) патрульные группы (наряд в составе двух и более патрулей под единым руководством);

4) специализированные патрульные группы (специальный вид наряда, предназначенный для борьбы с самыми распространенными правонарушениями на улицах и в других общественных местах);

5) посты охраны порядка (место или участок местности, на котором сотрудники полиции (постовые) выполняют возложенные на них обязанности);

6) посты охраны объектов (место или участок, где работники ВОХР осуществляют на договорных началах охрану объектов и другого имущества государственной, коллективной и частной собственности, имущества иностранных граждан, международных организаций, иностранных юридических лиц, а также граждан);

7) посты регулирования дорожного движения (участок территории, на которой организуется несение дорожно-патрульной службы в связи с необходимостью регулирования дорожного движения, установление непрерывного контроля за движением транспортных средств иностранных владельцев, принятие оперативно-розыскных мер, обеспечение беспрепятственного проезда автомобилей личного назначения);

8) патрули для наблюдения за дорожным движением (наряд в составе одного или нескольких сотрудников ГИБДД, который осуществляет контроль за дорожным движением и выполнением гражданами правил дорожного движения путем патрулирование на автомобилях, мотоциклах, вертолетах или пешим патрулированием);

9) контрольно-пропускные пункты (наряд полиции, который несет службу по обеспечению пропускного режима или ограничения движения транспорта и пешеходов в определенном районе (местности) при проведении массовых мероприятий, возникновении стихийных бедствий, эпидемий и в других случаях);

10) заслоны (наряд в составе группы (подразделения) сотрудников полиции, выполняющий задачу блокирования определенного участка местности или перекрытию отдельных направлений).

Заслон как наряд в составе группы (подразделения) работников полиции выполняет задачи по блокированию определенного участка местности или перекрытию отдельных направлений [10].

Несмотря на это, применение вооруженным противником бронированной техники на отдельных локальных направлениях, проведение с удаленной территории обстрелов с крупнокалиберного вооружения мест дислокации военнослужащих и применения снайперского оружия фактически делают малоэффективными или вообще невозможным использование указанных видов несения патрульно-постовой службы в части обеспечения работниками МВД общественного порядка в условиях массовых беспорядков и ведения боевых действий (отсутствие укрепленных объектов на удаленных от населенных пунктов местностях, а следовательно – потребность использования подручных средств (мешков с песком, бетонных блоков, деревьев и тому подобное) для устройства защиты личного состава и обеспечения его жизнедеятельности).

Применение военных подходов к обеспечению охраны общественного порядка в условиях проведения СВО является малопригодным, поскольку:

1) единственным средством достижения победы частями и подразделениями в вооруженных столкновениях с противником является бой;

2) оборона осуществляется преднамеренно или вынужденно с главной целью – отразить наступление противника, нанести ему потери и создать условия для перехода своих войск в наступление;

3) военнослужащие ВС РФ в обустройстве взводных опорных или ротных пунктов используют особенности характера местности (холмы, луги, деревья и т. д.) В удаленности от населенных пунктов, транспортных сообщений и стратегических объектов, применяют для защиты личного состава различные временные заграждения и препятствия (траншеи, ходы сообщения, устанавливают минно-взрывные заграждения), то есть используют принцип маскировки и маневрирования.

Наоборот, охрана общественного порядка предполагает присутствие представителей власти (полиции), их открытость для населения и активное

участие правоохранителей в непосредственном урегулировании проблем, которые касаются защиты граждан (проверка документов, осмотр транспортных средств, охрана коридоров оставления непригодной для жизни территории и тому подобное).

Поэтому, как доказывает практика проведения аСВО и принимаемые профилактические меры в ДНР и ЛНР, для выполнения поставленных задач более массовым явлением становится применение блокпостов, которые полнее обеспечивают не только сохранение жизни и здоровья военнослужащих Росгвардии и работников полиции, но и способствуют эффективному выполнению поставленных руководством страны стратегических задач в зоне проведения СВО.

По результатам анализа деятельности сил правопорядка в ЛНР и ДНР, используя доступные наработки ученых, рассмотрим основные требования к обустройству и функционального назначения блокпостов как действенного средства обеспечения надлежащего уровня общественной безопасности в условиях противодействия правоохранителей незаконным вооруженным формированиям в условиях проведения СВО в современных условиях.

Блокпост – военный (военизированный) наряд, как правило, в составе усиленного взвода, который предназначен для:

1) несение службы на разветвлениях важных дорог, въездах (выездах) к городам и населенным пунктам или другим стратегически важным объектам (железнодорожным станциям, аэропортам, мостам, водохранилищам, электростанциям и т.п.); блокирование дороги и прекращение или ограничение движения в соответствии с определенным порядком;

2) осуществление в зоне ответственности контроля за движением транспорта и людей, проверки и осмотра их имущества, а главное – внешней изоляции района действий незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), своевременного определения их местонахождения;

3) выявление свободного передвижения экстремистов (террористов), лиц, объявленных в розыск, путей возможного выхода боевиков из районов их сосредоточения, дальнейшей изоляции и лишения доступа к источникам снабжения;

4) предотвращения контрабандной перевозки и запрета притока пополнения, поставки боеприпасов, оружия, взрывчатых веществ и недопущения прорыва военного или несанкционированного гуманитарного конвоя противника через блокпост;

5) отчет обо всей деятельности по команде.

Учитывая цель и целевое назначение конкретного блокпоста, на него возлагаются следующие задачи:

1) осмотр и проверка людей, транспорта и грузов, пересекающих зону разъединения;

2) предотвращение проникновения нарушителей и незаконной доставке оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;

3) блокирование движения транспорта и людей (частичного или полного);

4) задержание граждан и транспортных средств, нарушающих установленный режим поведения;

5) наблюдение за местностью.

Блокпост преимущественно обустраивают за углами зданий, на поворотах дорог, за склонами холмов, используя элемент неожиданности (маскировка). Место несения службы оборудуется по правилам подготовки взводного опорного пункта к круговой обороне с использованием табельного и вспомогательного инженерного имущества (мешки с песком, железобетонные или деревянные защитные конструкции различного типа), снабжается соответствующей документацией, средствами связи и электроснабжения, местом для проверки документов, осмотра транспортных средств, стоянкой задержанного транспорта. Способы выполнения задач на них в основном направлены на обеспечение стабилизационных действий в зоне конфликта, особенно во время проведения противодиверсионных (антитеррористических) операций.

Местность вокруг блокпоста должна находиться под постоянным и непрерывным контролем: для этого необходимы наблюдатели с приборами наблюдения, в том числе ночного видения и беспилотники. В ночных условиях надо строго соблюдать светомаскировку, правильно организовывать освещение местности без определения своих позиций.

Во время организации отдыха личного состава наряда блокпоста считаются с тем, что его треть отдыхает, остальные – несет службу. С получением данных о выдвигении противника, усиливаются наблюдения, весь личный состав готовится к бою, предоставляется доклад старшему командиру, оповещаются соседние блокпосты. Задачей подразделения, что создает рубеж военного заграждения, является недопущение несанкционированного движения вне разрешенных маршрутов, организация патрулирования на маршрутах органами ГИБДД, военной службы правопорядка ВС РФ.

Рубеж военного заграждения назначается, как правило, вдоль основных коммуникаций, на важных водных рубежах с целью недопущения проникновения незаконных вооруженных формирований (антигосударственных вооруженных формирований), диверсионно-разведывательных групп (далее – ДРГ) или других преступных элементов в определенные полосы (районы) икрытие как можно больше важных объектов путем выставления на нем засад, постов наблюдения, секретов и организации патрулирования, а также содержание резерва для немедленного реагирования при обнаружении НВФ и ДРГ.

Блокпосты прикрываются, как правило, минно-взрывными заграждениями в управляемом варианте, сигнальными минами, на которые составляются формуляры в четырех экземплярах. Для усложнения подхода противника используются материалы: консервные банки, шифер, кровельное железо, хворост и другие предметы (в частности сабаки), создающие грохот (шум).

В условиях чрезвычайных ситуаций социального характера оборудованные блокпосты возможными

силами и средствами создают минимальные благоприятные условия для защиты местного населения от неконтролируемого углубления кризиса в результате противоправной деятельности боевиков – предотвращение убийством мирных граждан, ограбление и мародерство жилья или других объектов хозяйствования, способствуют защите и сохранению стратегических объектов от разрушений и тому подобное.

Блокпост как военизированный наряд правоохранителей в зоне проведения СВО обеспечивает выполнение задач многоцелевого назначения:

1) осуществляет охрану подъездов к стратегически важных населенных пунктов и объектов народного хозяйства;

2) контролирует движение транспорта и людей, проводит проверки и осмотр их имущества, а главное – сохраняет границы внешней изоляции района, где действуют незаконные вооруженные формирования;

3) способствует выявлению свободного передвижения экстремистов (террористов), лиц, объявленных в розыск;

4) предотвращает контрабандной перевозке оружия и боеприпасов;

5) оперативно информирует о полученных данных командование СВО.

Осуществлен анализ требований по обустройству блокпостов и конкретизация основных задач, которые ставятся перед личным составом правоохранительных органов во время исполнения ими определенных обязанностей в зоне проведения СВО в случае несения ими службы в составе соответствующих нарядов, позволяет работникам МВД осознанно лично подготовиться (психологически, материально-технически, огневой подготовки, тактически, топографически и тому подобное) перед отправлением в зону ведения боевых действий, что в целом выступает благоприятным условием эффективного решения полицией служебно-боевых задач в обеспечении общественного порядка в конкретной местности в соответствии с законодательством государства.

Литература

1. Винокуров, В. И. Дипломатия силы и специальная военная операция ВС РФ на Украине: общее и особенное / В. И. Винокуров // Дипломатическая служба. – 2022. – № 3. – С. 210-217. – DOI 10.33920/vne-01-2203-05. – EDN MVNFOY.

2. Ишутин, О. С. Становление медицинской службы сил специальных операций вооруженных сил как органа военного управления / О. С. Ишутин // Военная медицина. – 2007. – № 4(5). – С. 5-8. – EDN RVEHBJ.

3. Корякин, В. М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 4(297). – С. 85-93. – EDN UBPXSH.

4. Кудашкин, А. В. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ / А. В. Кудашкин, Н. Н. Мельник // Право в

Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 4(297). – С. 2-12. – EDN UKNPVJ.

5. Латыпов, Р. Ф. Специальная военная операция на Украине: ситуационный анализ / Р. Ф. Латыпов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 2(164). – С. 134-137. – DOI 10.34773/EU.2022.2.24. – EDN XEOIHP.

6. Максименко, Д. И. Задачи МЧС России при проведении специальной военной операции Российской Федерации / Д. И. Максименко // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 4(297). – С. 59-67. – EDN SYVLGA.

7. Михайленко, А. Н. Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность? / А. Н. Михайленко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 4(85). – С. 1431-1448. – DOI 10.35775/PSI.2022.85.4.037. – EDN CXRLDS.

8. Румянцев, Н. В. Специальные административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел в современных условиях. Монография / Н. В. Румянцев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 167 с. – ISBN 978-5-238-02208-6. – EDN RBCBLR.

9. Шайтура, С. В. Краткий анализ использования малых БПЛА в ходе специальной военной операции на Украине / С. В. Шайтура, И. А. Байгутлина, П. А. Замятин // Славянский форум. – 2022. – № 2(36). – С. 467-498. – EDN ZTZFLM.

10. Ярыгин, О. В. Информационное обеспечение специальной военной операции по защите Донбасса: сегодняшние вызовы и завтрашние проблемы / О. В. Ярыгин // Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика : Сборник статей, Москва, 19 мая 2022 года. – Москва: Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 2022. – С. 100-106. – EDN OKXMZE.

Features of the protection of public order in the territory of a special military operation

Ilyin Yu.I.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs

Now the issues of protecting the territorial integrity of the state and the problems of ensuring proper law and order in certain regions of the SVR are quite acutely actualized in society, which is a consequence of actual external interference and the organization of mass riots (terrorist acts) in the border territories of the DPR and the LPR. Separate manifestations of terrorist activity are observed in Kharkiv, Dnipropetrovsk, Odessa, Kherson and other regions. These factors require prompt search by the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Armed Forces of the Russian Federation and other military formations (commanders of volunteer battalions) for adequate real forms and methods of counteraction, which often go beyond the types of police service established by law. It is worth remembering that the highest value is human life.

Keywords: public order, territory, special military operation, security, features.

References

1. Vinokurov, V. I. Diplomacy of force and special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine: general and special / V. I. Vinokurov // Diplomatic Service. - 2022. - No. 3. - P. 210-217. – DOI 10.33920/vne-01-2203-05. – EDN MVNFOY.
2. Ishutin, O. S. Formation of the medical service of the special operations forces of the armed forces as a body of military control / O. S. Ishutin // Military medicine. - 2007. - No. 4 (5). - P. 5-8. – EDN RVEHBJ.
3. Koryakin, V. M. Social security of participants in a special military operation: problematic issues / V. M. Koryakin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2022. - No. 4 (297). - S. 85-93. – EDN UBPXSH.
4. Kudashkin, A. V. Legal regime of special military operations: comparative legal analysis / A. V. Kudashkin, N. N. Melnik // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2022. - No. 4 (297). - P. 2-12. – EDN UKNPVJ.
5. Latypov, R. F. Special military operation in Ukraine: situational analysis / R. F. Latypov // Economics and management: scientific and practical journal.

- 2022. - No. 2 (164). - S. 134-137. – DOI 10.34773/EU.2022.2.24. – EDN XEOIHP.
6. Maksimenko, D. I. Tasks of the Ministry of Emergency Situations of Russia during the conduct of a special military operation of the Russian Federation / D. I. Maksimenko // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. - 2022. - No. 4 (297). – S. 59-67. – EDN SYVLGA.
 7. Mikhailenko, A. N. Special military operation of Russia in Ukraine: an accident or a regularity? / A. N. Mikhailenko // Issues of national and federal relations. - 2022. - T. 12. - No. 4 (85). - S. 1431-1448. – DOI 10.35775/PSI.2022.85.4.037. – EDN CXRLDS.
 8. Rummyantsev, N. V. Special administrative and legal regimes for the activities of internal affairs bodies in modern conditions. Monograph / N.V. Rummyantsev. - Moscow: UNITI-DANA, 2012. - 167 p. – ISBN 978-5-238-02208-6. – EDN RBCBLR.
 9. Shaitura, S. V. Brief analysis of the use of small UAVs in the course of a special military operation in Ukraine / S. V. Shaitura, I. A. Baigutlina, P. A. Zamyatin // Slavic Forum. - 2022. - No. 2(36). - S. 467-498. – EDNZTZFLM.
 10. Yarygin, O. V. Information support of the special military operation to protect Donbass: today's challenges and tomorrow's problems / O. V. Yarygin // Analytical technologies in the social sphere: theory and practice: Collection of articles, Moscow, May 19, 2022. - Moscow: Research Center for National Security Problems, 2022. - P. 100-106. – EDN OKXMZE.